

ЛУИ НИЛЬСОН

Центр тяжести
Опора на двоих

Луи Нильсон

Центр тяжести: Опора на двоих

«Автор»

2026

Нильсон Л.

Центр тяжести: Опора на двоих / Л. Нильсон — «Автор», 2026

Матвей — человек с разрушенным прошлым, чья личность годами растворялась в чужих приказах. Она — его куратор и единственный шанс на возвращение к себе. На бетонных плитах под палящим солнцем, среди изнурительных тренировок и гнетущей тишины, они учатся не просто выживать, а чувствовать заново. Их контракт давно вышел за рамки профессионального, превратившись в историю двух сломленных душ, решивших починить друг друга вопреки всему миру. Но когда старые шрамы начинают кровоточить, а цинизм становится единственной защитой, хватит ли им сил удержать равновесие? Это путь от боли к доверию, где каждый вздох — победа, а тишина звучит громче любого стадиона.

© Нильсон Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ПРЕДЕЛ ПРОЧНОСТИ	5
ГЛАВА 2: ОБЪЕКТ НОМЕР ОДИН	12
ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ ДИСТАНЦИЯ	18
ГЛАВА 4: ЭФФЕКТ ТОЛПЫ	25
ГЛАВА 5: ПРИМЕРКА	32
ГЛАВА 6. ТУРБУЛЕНТНОСТЬ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Центр тяжести: Опора на двоих

ГЛАВА 1: ПРЕДЕЛ ПРОЧНОСТИ

Воздух в зале пахнет старой магнезией, пересушенным поролоном и застарелым потом, который за годы впитался в бетонные перекрытия. Этот запах - мой личный состав атмосферы, единственный, в котором легкие работают на полную мощность. Я стою на краю мата, пальцы ног привычно впиваются в ворсистую поверхность, фиксируя центр тяжести. В колене пульсирует тупая, нудная боль - мой персональный метроном. Четвертая степень дегенерации хрящевой ткани, если верить МРТ. Если верить мне - просто шум в системе.

Я делаю глубокий вдох, наполняя грудную клетку до предела, пока ребра не начинают давить на межреберные мышцы. Взгляд сфокусирован на точке в трех метрах впереди. Прыжок. Тело помнит алгоритм лучше, чем мозг помнит таблицу умножения. Толчок, взрывной импульс в икроножных, таз уходит вверх, позвоночник скручивается в идеальную дугу. В фазе полета мир замирает. Это единственные доли секунды, когда я не чувствую веса собственного разочарования.

Приземление. Глухой хлопок стоп о мат. Левое колено отзывается резким, электрическим разрядом. Ошибка в фазе прихода - три градуса вовнутрь. Корпус качнулся вперед на лишний сантиметр. Грязно, Алина. Просто отвратительно. Внутренний голос, подозрительно похожий на тембр моего первого тренера, звучит суше, чем треск ломающейся ветки. Собирайся. Держи спину. Ты не мешок с песком, ты - натянутая струна.

Я выпрямляюсь, игнорируя тошнотворную слабость в суставе. В пустом зале сумерки сгущаются по углам, превращая гимнастические снаряды в скелеты доисторических животных. Брусья выглядят как ребра левиафана, конь - как отрубленная голова башни. Я здесь одна, если не считать Михалыча, который застрял в своей камерке с чаем и вечными чертежами нагрузок.

- Хватит насиловать труп, Алина, - раздастся из темноты.

Михалыч выходит на свет, потирая сухие ладони. Ему семьдесят, и его позвоночник напоминает вопросительный знак, но глаза все еще режут, как скальпели. Он видит мой завал на левую ногу, даже если я пытаюсь его маскировать идеальной осанкой. От него не спрячешь смещение оси.

- Еще один подход, - говорю я, и мой голос звучит как наждак по металлу. - Я сорвала выход.

- Ты сорвала себе жизнь, если будешь продолжать в том же духе, - он подходит ближе, и я чувствую запах дешевого табака и мази со змеиным ядом. - Твое колено - это уже не сустав, это мешочек с костной крошкой. Ты профессионал, так веди себя соответственно. Знай, когда ресурс исчерпан.

Я смотрю на свои руки. Мозоли на ладонях жесткие, как роги. Мое тело - это инструмент, который я затачивала пятнадцать лет. Сначала для того, чтобы летать, потом - чтобы просто стоять ровно. Теперь оно напоминает старый станок на заводе, который работает только потому, что его залили маслом и забили кувалдой нужные шестерни. Если я не могу прыгать, кто я? Функция без приложения. Пустая оболочка с отличным рельефом дельтовидных мышц.

- Я в порядке, - вру я, фиксируя колено в статике.

- Ты в дерьме, - парирует Михалыч без тени жалости. - Но у меня есть для тебя способ монетизировать твою привычку лезть на рожон и твою неспособность чувствовать страх.

Он протягивает мне плотную папку из крафтовой бумаги. На ней нет маркировок, только жирный след от чашки чая в углу. Я беру ее, ощущая кончиками пальцев шероховатость картона. Мои мышцы все еще вибрируют после прыжка, мелкий тремор в трицепсах выдает общую усталость системы.

- Что это? - спрашиваю я, не открывая.

- Твой выход из тиража, - Михалыч прищуривается. - Работа в личке. Безопасность. Один очень капризный, очень богатый и очень проблемный объект. Платят столько, что хватит на замену обоих суставов в швейцарской клинике и на домик в пригороде, где ты сможешь тихо ненавидеть весь мир до конца своих дней.

Я открываю папку. Первое, что бросается в глаза - сумма контракта. В голове автоматически включается калькулятор. Это три года моей жизни в режиме полной боевой готовности. Или десять лет работы инструктором в фитнес-клубе, где я буду поправлять локти жирным теткам, мечтающим о шпагате к новому году. Выбор очевиден, но желудок сжимается в предчувствии подвоха. Тело всегда знает раньше мозга. Оно уже считало угрозу из воздуха.

- Почему я? - я переворачиваю страницу. - У них есть агентства. Профессиональные силовики. Мужики весом в центнер, способные проломить стену головой.

- Потому что им не нужен танк, - Михалыч садится на скамью, кряхтя. - Им нужна тень. Кто-то, кто не привлекает внимания, умеет оценивать векторы угрозы быстрее, чем противник нажмет на курок, и обладает реакцией мангуста на кокаине. К тому же, объект... специфический. Он терпеть не может охрану. Предыдущий телохранитель уволился через две недели с нервным срывом. А у тебя, Алина, нервов нет. У тебя вместо них стальные тросы, покрытые тефлоном.

Я листаю досье. Анкета объекта. Матвей Градов. Тридцать два года. Музыкант, рок-звезда, идол поколения и прочая маркетинговая шелуха. На фото - лицо человека, который устал от собственного отражения в зеркале. Слишком правильные черты, челюсть сжата так, что жевательные мышцы выделяются отчетливыми буграми. Это избыточное напряжение. Он либо на грани срыва, либо живет в состоянии постоянной химической стимуляции. Взгляд ленивый, полуприкрытые веки, но в глубине зрачков - холодный, расчетливый хаос. Таких называют сложными личностями. Я называю таких - статистическая погрешность, ведущая к катастрофе.

- Он выглядит как человек, который ищет способ убиться, - замечаю я, рассматривая снимок, сделанный папарацци. Матвей выходит из клуба, вокруг него воронка из фотовспышек и тянущихся рук. Его поза - нарушение всех правил баланса. Он заваливается назад, плечи подняты, трапеция перенапряжена. Он не идет, он падает вперед, заставляя пространство подстраиваться под него.

- Именно, - Михалыч кивает. - В папке на последней странице есть пометка от его менеджера.

Я перелистываю. На белом листе широким, размашистым почерком, явно в спешке, написано одно слово: Смертник.

Это не метафора. Это диагноз. В моей работе - а я последние два года подрабатывала в охране клубов и сопровождении мелких чиновников, пока колено окончательно не поставило крест на спорте - такие клиенты самые опасные. Они не боятся пули. Они ее ждут как избавления. А моя задача - встать между ними и их желанием прекратить этот балаган.

- Контракт на полгода, - продолжаю я читать вслух. - Проживание на объекте. Полный контроль перемещений. Он знает, что я буду рядом?

- Он знает, что ему наняли очередную няньку. О том, что ты - мастер спорта международного класса с навыками рукопашного боя и реакцией, превышающей человеческую норму, ему знать не обязательно. Официально ты - ассистент по логистике. Личный помощник. Называй как хочешь, суть не изменится. Ты - живой щит, Алина. Опять.

Я закрываю папку. Звук удара картона о картон резонирует в пустом зале. Живой щит. Какая ирония. Сначала я была инструментом для достижения рекордов, теперь я инструмент для сохранения чужой шкуры. Субъектность? Нет, не слышала. Моя ценность измеряется коэффициентом полезного действия. Пока я могу функционировать, я существую.

- Когда приступать? - спрашиваю я, уже зная ответ. У меня в кармане триста рублей и неоплаченный счет за квартиру, где из мебели только матрас и турник в дверном проеме.

- Завтра в восемь утра. Машина будет у входа в зал. Собирай свои бинты и мази, чемпионка. Твоя новая олимпиада начинается в аду.

Я выхожу из зала, когда на улице уже совсем темно. Фонари заливают асфальт болезненно-желтым светом. Я иду к остановке, стараясь сохранять ровный шаг. Каждый контакт подошвы с землей - это микроудар, который эхом отзывается в черепе. Я анализирую свою походку: перенос веса на правую сторону, компенсация за счет мышц поясницы. Грязно. Нужно распределять нагрузку равномернее, иначе через неделю вылетит спина.

В автобусе я сажусь в самом конце, спиной к окну. Профессиональная деформация. Угол обзора - сто восемьдесят градусов. Контроль входа и выхода. Я смотрю на пассажиров. Женщина с тяжелыми сумками - центр тяжести смещен вниз, плечи опущены, риск агрессии минимальный. Подросток в капюшоне - руки в карманах, суетливые движения глаз, возможный источник мелких неприятностей. Мужчина в дешевом костюме - зажата грудная клетка, дыхание поверхностное, стресс.

Я закрываю глаза и вижу лицо Матвея с фотографии. Смертник. Что заставляет человека с миллионами на счету и толпами фанатов превращаться в мишень? Наверное, та же пустота, что заставляет меня прыгать на мате в пустом зале, когда сустав уже превратился в кашу. Поиск предела. Точка, за которой материя разрушается, превращаясь в чистую энергию или в кучу мусора.

Дома я не включаю свет. В темноте проще контролировать пространство. Я принимаю холодный душ, фиксируя, как вода обжигает кожу. Мышечная память требует нагрузки, но я заставляю себя лечь на матрас. Завтра мне нужно быть безупречной. Не человеком, а механизмом.

Утром машина ждет ровно в восемь. Черный внедорожник с тонированными стеклами, похожий на гроб на колесах. Водитель - молчаливый парень с шеей шире моей головы. Он бросает взгляд на мой старый рюкзак и открывает багажник.

- Алина? - коротко бросает он.

- Да.

- Садись назад. Едем в загородный дом. Объект еще спит, но менеджер хочет тебя видеть до того, как этот цирк начнется.

Мы едем по шоссе, и я наблюдаю, как город сменяется лесом. Пейзаж за окном - набор вертикальных линий и пятен. Я пытаюсь представить свою встречу с Градовым. По опыту знаю: такие, как он, ненавидят контроль. Они будут прощупывать границы, наносить удары по самым слабым местам, пытаться вывести из равновесия. Он будет искать во мне женщину, чтобы унижить или соблазнить, потому что это привычные для него способы взаимодействия. Он не ожидает встретить стену. Функциональный блок.

Дом оказывается огромной коробкой из стекла и бетона, втиснутой между соснами. Архитектура агрессивная, острые углы, открытые пространства. С точки зрения безопасности - кошмар. Слишком много точек входа, слишком много векторов для снайперского огня. Я отмечаю камеры на периметре. Дешевка. Слепые зоны каждые пять метров.

Внутри пахнет дорогим парфюмом, перегаром и чем-то химическим. В гостиной, которая размером с мой тренировочный зал, на диване сидит мужчина в безупречном сером костюме. Это Виктор, менеджер. Его лицо - маска вежливого беспокойства.

- Вы Алина, - он не спрашивает, он констатирует. - Михалыч сказал, вы лучшая в том, что касается выносливости и... хладнокровия.

- Мои характеристики в папке, - я стою прямо, руки за спиной. Ноги на ширине плеч, центр тяжести распределен идеально. - Какие вводные?

Виктор вздыхает и потирает переносицу. Под глазами у него залегли тени, которые не скроет никакой консилер.

- Вводные простые: Матвей пытается себя уничтожить. У него тур через месяц, огромные неустойки, контракты, обязательства. А он... он устраивает гонки на выживание. Вечеринки, сомнительные компании, драки в барах. На прошлой неделе кто-то пытался вскрыть его машину, пока он там спал в невменяемом состоянии. Нам не нужно, чтобы вы его воспитывали. Нам нужно, чтобы он дожил до конца турне. Желательно - без лишних дырок в теле.

- Я не нянька, Виктор. Если он решит прыгнуть с крыши, я не буду читать ему нотации. Я просто перехвачу его в воздухе и поставлю на землю. Это входит в стоимость?

- Именно это нам и нужно. Его нынешнее состояние... скажем так, он в глубоком творческом и личностном пике. Он будет вас провоцировать. Будет пытаться уволить. Не реагируйте. Вы подчиняетесь мне и только мне. Его слово здесь ничего не значит.

Сверху доносится грохот. Звук разбитого стекла, за которым следует ленивый, растянутый мужской голос:

- Витя, скажи своим шавкам, что если они еще раз принесут мне этот травяной чай, я вылью его им за шиворот. Где мой виски?

На лестнице появляется он. Матвей Градов в реальности выглядит еще более изломанным, чем на фото. Черная шелковая рубашка расстегнута до середины груди, волосы в беспорядке, под глазами - синяки, которые смотрятся как боевой раскрас. Он спускается медленно, каждый шаг - это вызов гравитации. Его биомеханика нарушена: он опирается на перила слишком сильно, правое плечо опущено. Алкоголь или седативные.

Он замирает на середине лестницы, заметив меня. Его взгляд медленно сканирует мое тело. Снизу вверх. Задерживается на кроссовках, на моих широких плечах, на лице. В его глазах вспыхивает ироничный огонек.

- О, - он растягивает гласные, голос глубокий, с приятной хрипотцой, которую он явно использует как оружие. - Новое пополнение в рядах надзирателей? Витя, ты превзошел себя. Эта хотя бы выглядит так, будто может подтянуться больше десяти раз. Как тебя зовут, дитя дисциплины?

- Алина, - отвечаю я, не меняя позы. Мое лицо неподвижно. Я оцениваю его как физический объект. Рост около ста восьмидесяти пяти, вес - около восьмидесяти. Рычаги длинные, что дает преимущество в размахе, но делает его уязвимым в ближнем бою.

- Алина, - он пробует имя на вкус, спускаясь ниже. Он подходит слишком близко, нарушая мою зону комфорта. От него пахнет дорогим табаком и застарелым коньяком. - Скажи мне, Алина, ты тоже будешь ходить за мной с этим выражением лица, будто у тебя в позвоночнике стальной штырь? Или ты здесь для того, чтобы скрасить мои серые будни в этом концлагере?

Он протягивает руку, намереваясь коснуться моего подбородка. Движение медленное, ленивое, полное пренебрежения. Моя мышечная память срабатывает быстрее, чем я успеваю подумать. Перехват запястья, мягкий, но фиксирующий залом, шаг в сторону. Я не причиняю ему боли, просто показываю вектор силы. Его рука замирает в воздухе, заблокированная моим предплечьем.

Его брови ползут вверх. В глазах - не гнев, а любопытство. Он не пытается вырваться, он просто стоит, изучая хватку моих пальцев на своей коже.

- Острая реакция, - констатирует он. - Хорошая моторика. Ты из этих... сломанных балерин или недобитых спецназовцев?

- Я ваш ассистент, Матвей, - я отпускаю его руку и делаю шаг назад, восстанавливая дистанцию. - Моя задача - следить, чтобы ваше перемещение в пространстве было максимально безопасным. Остальное меня не касается.

- Ложь, - он улыбается, и эта улыбка не предвещает ничего хорошего. - Тебя касается все. Каждый мой вдох, каждый глоток, каждая дорожка, которую я не донохаю из-за твоего бдительного взора. Ты - моя новая клетка. Но знаешь, в чем проблема с клетками?

Он делает еще один шаг вперед, почти касаясь своей грудью моих скрещенных рук.

- Они всегда ломаются, если на них надавить в правильном месте. У каждого материала есть предел прочности. Какой он у тебя, Алина? Сколько килограммов давления на квадратный сантиметр выдержит твоя невозмутимость?

- Мой предел прочности не входит в предмет договора, - я смотрю ему прямо в зрачки. Они расширены. - Советую заняться делом. У вас репетиция через два часа.

- Репетиция, - он фыркает и отворачивается к бару. - Витя, она скучная. Найди мне кого-нибудь с чувством юмора или хотя бы с вредными привычками. С этой я сдохну от тоски раньше, чем от передоза.

- Она остается, Матвей, - голос Виктора звучит сухо. - Это не обсуждается. Либо она, либо ты едешь в рехаб прямо сейчас. Выбирай.

Матвей замирает с бутылкой в руке. Его спина напряжена. Я вижу, как перекачиваются мышцы под тонким шелком. Он злится. Настоящая, не наигранная ярость закипает в нем, как вода в закрытом котле. Он резко оборачивается, и на секунду мне кажется, что он швырнет бутылку в меня. Я уже просчитала траекторию: шаг влево, наклон, перехват.

Но он просто подносит бутылку к губам, делает долгий глоток и вызывающе смотрит на меня.

- Ну что, Ассистент, - он выделяет это слово издевкой. - Пошли посмотреть, как я гнию в лучах славы. Только не жалуйся потом, что у тебя коленки дрожат. У меня специфический график.

- Мои колени в порядке, - вру я, чувствуя, как сустав снова напоминает о себе острой вспышкой. - Ведите.

Мы выходим к машине. Я сажусь на переднее сиденье, Матвей - сзади. Он тут же разваливается, закидывая ноги на спинку кресла. Его движения хаотичны, лишены структуры. Он - воплощение энтропии. Моя задача - стать его каркасом.

По дороге он не умолкает. Он говорит о музыке как о мусоре, о фанатах - как о стаде, о своей жизни - как о затянувшемся анекдоте. Это маска. Слишком много слов, чтобы скрыть тишину внутри. Я слушаю не слова, а интонации. В его голосе сквозит такая степень отчуждения, что мне становится не по себе. Я видела такое у спортсменов, которые получили травму, несовместимую с жизнью в спорте. Когда мир рушится, ты начинаешь его обесценивать, чтобы не было так больно терять.

- Эй, Алина, - он наклоняется вперед, его лицо оказывается совсем рядом с моим плечом. - А ты когда-нибудь чувствовала себя... лишней? Ну, знаешь, как лишняя деталь в конструкторе, которую забыли в коробке, а механизм уже работает.

- Я функциональна, - отвечаю я, глядя в зеркало заднего вида. - Этого достаточно.

- Функциональна, - он смеется, и в этом смехе нет веселья. - Ты робот. Тебя завели и поставили охранять сокровище, которое уже давно превратилось в тыкву. Тебе не жалко своего времени? Ты ведь молодая, симпатичная. Могла бы сейчас... не знаю, заниматься любовью на пляже или грабить банки. А ты сидишь здесь со мной.

- Мое время оплачено, - я фиксирую боковым зрением подозрительный мотоцикл, который следует за нами уже два квартала. - Сядьте ровно и пристегнитесь. Мы входим в плотный поток.

- О боже, она еще и зануда, - он откидывается назад, но ремень не трогает. - Пристегни меня сама, если так боишься за мою драгоценную тушку. Давай, Алина, покажи заботу.

Я игнорирую его выпад. Мотоцикл перестраивается. Я слежу за движениями водителя. Нет, просто курьер. Расслабление на два процента.

Репетиционная база - это бывший заводской цех, переоборудованный под студию. Огромное пространство с плохой акустикой и кучей аппаратуры. Группа Матвея уже там. Трое парней, которые выглядят так, будто не спали неделю. Они смотрят на Матвея с опаской и надеждой. Он для них - источник дохода и постоянный источник проблем.

- Опять новая юбка? - бросает барабанщик, не отрываясь от настройки малого барабана.

- Это не юбка, это Ассистент, - Матвей проходит к микрофонной стойке, на ходу сбрасывая рубашку. Под ней - тело, которое когда-то было атлетичным, но сейчас выглядит истощенным. Ребра проступают слишком отчетливо, кожа бледная, почти прозрачная. На левом плече - татуировка: Икар, падающий в море. Символично до тошноты. - Она здесь, чтобы я не забыл, как дышать.

Я занимаю позицию у стены, в тени. Угол обзора идеальный. Я вижу всех участников, входную дверь и запасный выход. Мое тело переходит в режим ожидания. Это как стоять на старте: мышцы в тонусе, но без лишнего напряжения. Экономия ресурса.

Они начинают играть. Музыка - это плотный, тягучий поток звука, который бьет в грудную клетку. Низкие частоты резонируют с моими костями. Матвей меняется. Его движения становятся точными, почти балетными. Он вписывается в ритм, как влитой. Его голос... он не поет, он вырывает звуки из себя. Это биомеханика боли. Он использует диафрагму на сто процентов, его легкие работают как кузнечные мехи. В этот момент он не кажется смертником. Он кажется чем-то очень живым и очень опасным.

Я наблюдаю за ним через призму своей травмы. Он так же, как я на ковре, выжимает из себя всё до последней капли. Но если я делала это ради идеальной формы, он делает это ради разрушения.

Через час он срывается. Гитарист ошибается в аккорде, и Матвей швыряет микрофонную стойку в стену. Звук удара металла о бетон перекрывает музыку.

- Хватит! - орет он. - Это звучит как предсмертные хрипы старой шлюхи! Вы вообще слышите, что вы делаете? Мы не играем рок, мы размазываем сопли по тарелке!

Он тяжело дышит, его грудь ходит ходуном. Пот катится по лицу, смывая остатки грима. Он выглядит как загнанный зверь. Группа молчит, глядя в пол. Они привыкли.

Матвей поворачивается ко мне. В его глазах - безумие.

- Ну что, Алина? Как тебе наше шоу? Достаточно функционально?

Он идет ко мне, перешагивая через кабели. Его движения резкие, дерганые. Он на взводе, адреналин зашкаливает.

- Вам нужно попить воды и восстановить дыхание, - говорю я спокойным тоном, который обычно используют с психически нестабильными пациентами или агрессивными фанатами. - У вас гипервентиляция.

- Мне нужно, чтобы ты заткнулась! - он подходит вплотную и бьет ладонью в стену рядом с моей головой. Я даже не моргаю. Расстояние до его лица - десять сантиметров. Я вижу расширенные поры на его коже, чувствую жар, исходящий от него. - Ты стоишь здесь как надгробие моей свободе. Тебе вообще когда-нибудь бывало больно? По-настоящему? Не так, чтобы коленка заныла, а так, чтобы внутри все выгорело дотла?

Я смотрю ему в глаза. Моя внутренняя система сообщает о нарушении границ. Вариант А: физический отпор. Вариант Б: психологическая нейтрализация. Я выбираю В.

- Каждый день, Матвей, - отвечаю я шепотом. - Но я не устраиваю из этого истерику. Я держу спину. Попробуйте, это помогает не рассыпаться в пыль.

Он замирает. Мои слова попадают в цель. Его зрачки сужаются. Он медленно убирает руку от стены. Его лицо меняется, гнев сменяется чем-то похожим на узнавание.

- Держишь спину, значит... - он отступает на шаг, продолжая изучать меня. - Посмотрим, как долго ты продержишься, когда начнется настоящий шторм.

Он разворачивается и уходит в сторону гримерки, бросив на ходу:

- Репетиция окончена. Все вон. А ты, Ассистент, подготовь машину. Мы едем в город. Мне нужно... развеяться.

Я знаю, что значит "развеяться" в его понимании. Это значит - бары, случайные связи, риск и попытки вытрясти из жизни хоть какую-то искру. Это значит, что моя работа только начинается.

Я выхожу на улицу, вдыхая прохладный воздух. Колено ноет, напоминая о прыжке. Я достаю из кармана папку, которую дала мне охрана на входе. В ней - расписание на вечер. Клуб "Бездна". Частная вечеринка. Вход по спискам.

Я смотрю на фото Матвея в папке. Смертник.

Что ж, Икар. Я не дам тебе упасть в море. По крайней мере, сегодня. Потому что если ты упадешь, мой контракт будет аннулирован, а мне очень нужны эти деньги на новые суставы. Ничего личного. Только биомеханика выживания.

Я сажусь в машину и проверяю запасные магазины в кобуре под мышкой. Вес оружия привычен и успокаивающ. Это тоже инструмент. Такой же, как мои мышцы, как моя воля. Мы оба - сломанные механизмы, Матвей. Просто я научилась работать со своими поломками, а ты пытаешься их взорвать.

- Поехали, - говорю я водителю, когда Матвей падает на заднее сиденье, уже открывая новую бутылку.

- В "Бездну"? - спрашивает водитель.

- В "Бездну", - подтверждает Матвей, глядя на меня в зеркало. - Алина, ты когда-нибудь была в аду?

- Я там тренировалась, - отвечаю я, не оборачиваясь. - Там отличное покрытие для прыжков. Никакой гравитации.

Он смеется. Громко, искренне, и этот звук пугает меня больше, чем его гнев. Это смех человека, который нашел новую игрушку и собирается ее сломать.

Я фиксирую его смех как шумовой фон. Мое внимание сосредоточено на дороге. Впереди - длинная ночь, и мой предел прочности только начинает проходить испытание. Соберись, Алина. Держи спину. Ты не можешь позволить себе упасть, пока на твоих плечах висит этот самоубийца.

Машина трогается, унося нас в сумерки города, где неоновые огни похожи на вспышки в глазах после сильного удара. Мы е

ГЛАВА 2: ОБЪЕКТ НОМЕР ОДИН

Подземный паркинг башни Москва-Сити встречает меня запахом жженой резины и застоявшегося кондиционированного воздуха. Здесь свет мертвенно-белый, выедающий контуры. Матвей выходит из машины первым, его походка - это торжество асимметрии. Он заваливается на левое бедро, избыточно размахивая правой рукой, в которой зажата начатая бутылка. С точки зрения биомеханики его тело - это катастрофа, ожидающая момента, чтобы случиться. Центр тяжести смещен, стопы шлепают по бетону без всякой амортизации. Если он упадет, он не сгруппируется. Он просто рассыплется как мешок с костями.

- Иди за мной, тень моя, - бросает он через плечо, не оборачиваясь. Голос вязкий, как патока, в которой утопили пачку сигарет.

Я молчу. Лишние слова - это нецелевой расход кислорода. Первый уровень охраны - у лифтов. Два шкафа в дешевых костюмах, у которых бицепс перекачан в ущерб функциональности. Они смотрят на меня с тем ленивым пренебрежением, которое обычно приберегают для женщин, заходящих в это здание в три часа ночи. Я фиксирую их положение: один опирается на стойку, перенося вес на пятки - время реакции увеличено минимум на полторы секунды. Второй держит руки в карманах. Дилетантство. Если начнется заваруха, он запутается в собственной подкладке раньше, чем успеет сжать кулак.

- Своя, - коротко бросает Матвей, даже не притормаживая у сканера.

Мы заходим в лифт. Зеркальные стены превращают нас в бесконечную галерею сломанных людей. Я смотрю на свое отражение: спина прямая, плечи опущены, подбородок параллельно полу. Старая привычка. Тренер всегда говорил: Алина, если ты выглядишь как жертва, ты уже проиграла схватку до ее начала. Мое лицо кажется чужим в этом жестком свете. Кожа бледная, под глазами тени, которые не замазать никаким консилером. Это не усталость, это дефицит смысла.

Лифт взлетает на шестьдесят четвертый этаж. У меня закладывает уши, и я рефлекторно сглатываю. Матвей в это время прикладывает к бутылке. Кадык на его шее ходит вверх-вниз с какой-то вызывающей медлительностью. Он специально провоцирует тишину, ждет, когда я начну суетиться, задавать вопросы о графике или правилах дома. Не дожидается.

Второй уровень охраны - на выходе из лифта. Здесь уже серьезнее. Биометрия, рамка, еще двое, но уже в тактической одежде. Эти оценивают меня иначе. Они видят не женщину, они видят конкурента. Я чувствую их взгляды на своих предплечьях, на кобуре, скрытой под легким жакетом. Мой мозг автоматически выстраивает траектории: если левый дернется, я уйду в слепую зону за правое плечо, удар в подколенную ямку, разрыв дистанции.

- Проходите, господин Демидов, - говорит один из них. Его голос лишен эмоций, как инструкция к микроволновке.

Третий уровень - входная дверь в пентхаус. Массивная бронированная плита, замаскированная под редкое дерево. Код, отпечаток пальца. Матвей возится с панелью, его пальцы слегка подрагивают. Тремор. Причина: алкогольная интоксикация или хронический стресс. Скорее всего, и то, и другое.

Внутри пентхаус напоминает место крушения самолета, перевозившего музыкальный магазин и склад антиквариата. Гостиная огромная, с панорамными окнами во всю стену, за которыми Москва рассыпается на миллионы электрических искр. Но внутри - хаос. Провода тянутся по полу как черные змеи. Усилители, гитарные стойки, микрофон на журавле, заваленный чьей-то толстовкой. Воздух пахнет старым дымом, дорогим парфюмом и чем-то кислым - возможно, недоеденным ужином, забытым на дизайнерском столике.

- Добро пожаловать в мой склеп, Алина, - Матвей проходит в центр комнаты и падает на подоконник.

Он сидит там, на фоне ночного города, подтянув одну ногу к груди. В руках у него внезапно оказывается гитара - потерянный Фендер, который выглядит так, будто им отбивались от грабителей. Он не играет, просто перебирает струны, извлекая рваные, диссонансирующие звуки.

Я не сажусь. Я начинаю обход периметра. Это профессиональная деформация. Мне нужно знать, где углы обзора, где мертвые зоны, где дополнительные выходы. Кухня-остров: ножи в открытом доступе, плохо. Стекланные перегородки: при взрыве превратятся в шрапнель, очень плохо. Вторая спальня пуста, там только коробки с нераспечатанным оборудованием.

- Ты ищешь под кроватью монстров? - доносится его голос из гостиной. - Не трудись, главный монстр сейчас сидит перед тобой и пытается вспомнить, как звучит ля-минор.

Я возвращаюсь в гостиную и останавливаюсь в трех метрах от него. Это идеальная дистанция: достаточно близко, чтобы среагировать на угрозу, достаточно далеко, чтобы не провоцировать его на физический контакт.

Матвей смотрит на меня поверх грифа гитары. Его глаза расширены - зрачки почти съели радужку. Свет от города за окном подсвечивает его профиль, делая его похожим на статую, которую кто-то долго и методично бил молотком. Трапециевидная мышца у него напряжена до предела. Плечи подняты к ушам. Он не расслаблен, несмотря на виски. Его тело врет так же искусно, как и его имидж рок-звезды.

- Почему ты молчишь? - спрашивает он, растягивая гласные. - У тебя в контракте прописано право хранить молчание? Или ты просто боишься, что если откроешь рот, из тебя вывалится список правил безопасности?

- Моя задача - ваша безопасность, а не развлечение разговорами, - отвечаю я. Голос ровный, сухой. Это мой рабочий инструмент.

- Ваша безопасность, - передразнивает он. - Как официально. Как будто я - национальное достояние, а не ходячий рецидив.

Он внезапно замахивается. Движение резкое, неподготовленное, без предварительного импульса в корпусе. В мою сторону летит маленький черный предмет. Медиатор. Он летит точно в лицо, целясь в левый глаз.

Мое тело реагирует раньше, чем я успеваю осознать действие. Мышечная память - это то, что остается, когда все остальное разрушено. Перенос веса на переднюю часть стопы, легкий наклон головы, рука взлетает вверх по кратчайшей траектории. Хлопок. Я сжимаю пальцы в двух сантиметрах от своего лица.

В ладони - тонкий кусок пластика с логотипом его группы.

- Хорошая реакция, - Матвей усмехается, но глаза остаются холодными. - Мой предыдущий цербер пропустил такой же бросок. Сказал, что я неадекватен. Уволился через два часа после того, как мы зашли в эту квартиру. Рекорд, я считаю.

Я разжимаю кулак. Медиатор падает на пол. Я не буду его поднимать и отдавать. Я не горничная.

- Два часа - это много времени для того, чтобы понять очевидное, - говорю я.

- О, так ты у нас еще и философ? - он отставляет гитару в сторону. Инструмент с жалобным звоном ударяется о подоконник. - И что же тебе кажется очевидным, Алина?

- То, что вы пытаетесь компенсировать потерю контроля над собственной жизнью через мелкие провокации персонала. Это классический паттерн. Вы чувствуете себя объектом, который все хотят использовать, и пытаетесь вернуть себе субъектность, причиняя неудобства тем, кто обязан находиться рядом. Грязно. Неэффективно. Слишком предсказуемо.

Он замирает. На мгновение его лицо становится абсолютно пустым, лишенным этой его вечной циничной маски. В этой пустоте я вижу то, что он так тщательно прячет: дикий, первобытный страх. Так смотрит гимнастка, которая сорвалась с брусев и в полете понимает, что матов внизу нет. Только бетон.

Но это мгновение проходит. Он громко смеется, запрокидывая голову.

- Грязно? Соберись, Алина, держи спину! - он пародирует чей-то голос, вероятно, моего бывшего тренера, хотя он его никогда не слышал. - Ты же так думаешь, да? Весь мир для тебя - это тренировочный зал, где за каждую ошибку бьют скакалкой по пяткам.

Он встает. Его походка становится более уверенной, когда он направляется ко мне. Он нарушает мою зону комфорта, заходя в двухметровый радиус. Я чувствую запах его перегара - смесь дорогого торфяного виски и какой-то химической горечи.

- Расскажи мне, Алина, - он останавливается так близко, что я вижу сеточку лопнувших сосудов в его белках. - Каково это - быть идеальным механизмом в мире, который состоит из мусора? Тебе не хочется иногда просто... сломаться? Ну, знаешь, так, чтобы шестеренки во все стороны, чтобы масло на ковер, чтобы никто не смог тебя починить?

- Я уже ломалась, - отвечаю я, глядя ему прямо в переносицу. Это психологический прием: взгляд в переносицу воспринимается как более агрессивный и доминирующий, чем прямой взгляд в глаза. - Это переоцененный опыт. Никакой эстетики, только многомесячная реабилитация, боль в суставах на погоду и понимание того, что ты больше не стоишь тех денег, которые в тебя вложили.

Он прищуривается. Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах, потом снова возвращается к глазам. Он ищет трещину. Он профессиональный разрушитель границ, он привык, что люди вокруг него либо рассыпаются в лезть, либо начинают ненавидеть его с первого взгляда. Моя профессиональная анестезия его бесит.

- Тебя сломали, и теперь ты работаешь подпоркой для других сломанных вещей, - он произносит это почти шепотом. - Мы отличная пара. Я - взрыв, ты - воронка.

- Вы - контракт номер 42-бис, - поправляю я. - В мои обязанности входит проверка ваших социальных контактов, фильтрация угроз и обеспечение физической неприкосновенности. Ваша психотерапия в этот список не входит.

Он делает еще полшага вперед. Теперь между нами меньше сорока сантиметров. Это критическая дистанция. Мои мышцы напрягаются, квадрицепсы готовы к рывку, спина превращается в стальную струну. Мое тело воспринимает его не как мужчину, а как потенциальный источник хаотичного движения, который нужно локализовать.

- А если я захочу нарушить твою физическую неприкосновенность? - его голос звучит лениво, почти скучающе, но в нем есть опасная вибрация.

Он протягивает руку, намереваясь коснуться моей щеки. Его пальцы длинные, с обкусанными ногтями, на одном из них массивное серебряное кольцо в форме змеи. Движение медленное, тягучее. Он дает мне время среагировать.

Я перехватываю его кисть на полпути. Мой захват не причиняет боли, но он блокирует лучезапястный сустав так, что любое дальнейшее движение вызовет резкий болевой импульс в локте. Это чистая физика. Рычаг первого рода.

- Не рекомендую, - говорю я. - Моя мышечная память работает быстрее, чем ваш мозг обрабатывает желание пофлиртовать. Вы можете получить вывих раньше, чем закончите фразу.

Матвей смотрит на свою руку в моем захвате. Его пульс на запястье частит - я чувствую его подушечками пальцев. Сто двадцать ударов в минуту. Тахикардия.

- Жестко, - он улыбается, и в этой улыбке впервые появляется что-то похожее на уважение. - Грязно, но эффективно. Ладно, Алина, отпусти. Я понял, ты у нас из вольфрама.

Я разжимаю пальцы. Он отступает, потирая запястье, на котором остались красные отпечатки. Его трапеция наконец немного расслабляется. Первый раунд за мной, но я знаю, что это только начало. Такие, как он, не сдаются, они просто меняют тактику.

- Там, в коридоре, есть комната для персонала, - он машет рукой в сторону двери, которую я уже пометила как техническую. - Там есть мониторы, кровать и, кажется, даже работающий

душ. Иди, изучай свои экраны. Я собираюсь допить эту бутылку и, возможно, написать песню о том, как меня притесняет женщина с глазами серийного убийцы.

- Я буду в гостиной, - говорю я. - Комната для персонала ограничивает обзор.

- Ты собираешься всю ночь стоять тут и смотреть, как я деградирую? - он снова вскидывает брови.

- Я собираюсь выполнять свою работу. Вы можете деградировать в любом удобном для вас темпе, пока это не угрожает вашей жизни.

- Ну, тогда располагайся, - он снова прыгает на подоконник. - Только не вздумай приближаться. Я дорожу своим хаосом. Это единственное, что в этом доме принадлежит мне, а не лейблу.

Я отхожу к противоположной стене и прислоняюсь к ней спиной. Это идеальная точка. Отсюда я вижу входную дверь, проход в спальни и панорамное окно. Матвей снова берет гитару. На этот раз звуки становятся более связными. Это какая-то минорная мелодия, рваная, как его дыхание.

Проходит час. Потом еще один. Москва за окном начинает бледнеть. Городской неон тускнеет, уступая место грязному серому рассвету. Матвей выпивает виски до дна, отшвыривает бутылку в сторону - она мягко приземляется на ковер, не разбившись. Какое-то время он просто сидит, уставившись в одну точку. Его голова клонится к плечу, веки тяжелеют.

В такие моменты он выглядит удивительно незащитным. Если убрать этот его колючий голос и пафос рок-звезды, останется просто очень уставший молодой человек с плохим обменом веществ и явными признаками депрессии. Мой внутренний критик тут же подает голос: Не расслабляйся. Объект уязвим - значит, риск возрастает. Жалость - это форма потери бдительности.

Он засыпает прямо там, на подоконнике, свернувшись калачиком вокруг своей гитары. Его дыхание становится ровным, но тяжелым. Я подхожу ближе, неслышно ступая по коврику. Нужно переложить его на диван. Сон в такой позе приведет к защемлению шейного нерва и отеку конечностей. Завтра он будет недееспособен, а у него, согласно графику в моем планшете, съемка клипа.

Я наклоняюсь к нему. Его лицо во сне разглаживается, исчезает горькая складка у рта. Он пахнет как ребенок, который залез в папин бар.

- Матвей, - тихо говорю я. - Перейдите на диван.

Он не реагирует. Я осторожно беру гитару из его рук. Он вцепляется в гриф во сне, пальцы судорожно сжимаются. Мне приходится аккуратно разжимать их по одному. Его кожа холодная.

Когда инструмент отставлен в сторону, я подхватываю его под мышки. Он весит меньше, чем кажется - кости да кожа, подкрепленные амбициями. Я переношу его на широкий кожаный диван. Он что-то бормочет сквозь сон, какое-то имя, которое я не разбираю.

Я накрываю его пледом, который нахожу на кресле. Плед пахнет лавандой и чем-то аптечным. Странное сочетание для этого места.

Возвращаясь на свой пост у стены, я чувствую легкое покалывание в колене. Старая травма напоминает о себе каждый раз, когда я долго нахожусь в статичном положении. Разрыв передней крестообразной связки. Три операции. Год в спортзалах, которые стали моими личными камерами пыток. Я помню тот звук, с которым колено сдалось. Это был не хруст, это был звон лопнувшей струны. В тот момент я поняла, что мой мир, выстроенный на безупречных прыжках и идеальных приземлениях, перестал существовать.

Я сажусь на пол, вытянув ногу. Спина касается холодной стены. В этом положении я могу просидеть еще три-четыре часа без потери концентрации.

Матвей на диване вздрагивает. Плед сползает с его плеча. Я не встаю, чтобы поправить его. Дистанция должна соблюдаться, даже когда объект спит. Особенно когда он спит.

Мой взгляд падает на его руку, свесившуюся с дивана. На запястье, чуть выше того места, где я его держала, виден старый шрам. Тонкая белая линия, пересекающая вены. Не профессиональный разрез, а скорее результат отчаянного, неаккуратного жеста.

Так вот почему агентство выделило ему личного телохранителя с медицинскими навыками. Они боятся не внешних угроз. Они боятся, что объект самоликвидируется до того, как истечет срок действия его контракта.

Я закрываю глаза на секунду, прислушиваясь к звукам квартиры. Гудение холодильника, шум вентиляции, отдаленный гул машин внизу. Мир - это набор векторов. Прямо сейчас главный вектор направлен вниз, в сторону энтропии. Моя задача - удерживать этот вектор в равновесии.

Грязно. Но я справлюсь.

Утро в Сити наступает внезапно. Свет рикошетит от соседних башен, заливая гостиную резким, безжалостным золотом. Матвей просыпается от этого света. Он садится на диване, обхватив голову руками. Его трапеция снова каменеет.

- Кофе, - хрипит он, не открывая глаз. - Скажи мне, что ты умеешь варить кофе, Алина. Иначе я уволю тебя прямо сейчас за профнепригодность.

- На кухне установлена профессиональная кофемашина, - отвечаю я, поднимаясь с пола. Колено отзывается тупой болью, но я не подаю вида. - Я изучила инструкцию, пока вы спали. Вам какой?

Он поднимает на меня взгляд. Его глаза красные, волосы спутаны, но на лице снова эта маска ленивого превосходства.

- Сделай такой, чтобы я почувствовал, что еще жив, - говорит он. - И добавь туда побольше льда. У меня такое ощущение, что в моей голове кто-то пытается играть на барабанах, используя мои нервные окончания вместо палочек.

Я иду на кухню. Мои движения экономны и точны. Зерна, вода, пар. Я чувствую его взгляд на своей спине. Он не смотрит на меня как на женщину. Он изучает меня как диковинный прибор, который он купил по ошибке и теперь не знает, куда воткнуть вилку.

- Знаешь, Алина, - говорит он, когда я ставлю перед ним стакан с ледяным американо. - Тот парень, который уволился через два часа... он оставил записку.

- Да? И что в ней было?

Матвей делает большой глоток, морщится от холода и смотрит на меня с какой-то странной, почти детской обидой.

- Он написал: Слишком много тишины. Он не выдержал того, что я не разговариваю сам с собой, когда думаю, что меня никто не слышит. А ты... ты сама - эта тишина. Ты как вакуумная упаковка. В тебе нет воздуха, только функция.

- Функция - это то, что спасает жизнь, когда воздух заканчивается, - отвечаю я.

- Ну-ну, - он откидывается на спинку дивана. - Посмотрим, на сколько тебя хватит. Мой хаос очень заразителен. Рано или поздно ты тоже захочешь что-нибудь разбить. Просто чтобы услышать звук, а не этот твой внутренний метроном.

Я смотрю на него. В его зрачках все еще плещется страх, но теперь он прикрыт новой порцией бравады. Объект номер один стабилен в своей нестабильности. Это база, от которой я буду строить свою стратегию на ближайшие недели.

- Мой метроном никогда не сбивается, Матвей, - говорю я. - У него батарейки из того же вольфрама, о котором вы говорили. Пейте кофе. Через сорок минут у входа будет машина. У вас съемки.

Он кривится, как от зубной боли, но стакан не отставляет. Мышечная память подсказывает мне, что этот день будет долгим. Соберись, Алина. Держи спину. Впереди еще триста шестьдесят четыре дня в этом персональном аду, где гравитация работает только для тех, кто

боится упасть. А я уже падала. И я знаю, что самое страшное - это не удар. Самое страшное - это когда после удара тебе говорят: Вставай, у нас еще один подход.

И я встаю. Каждый раз.

Матвей допивает кофе и со звоном ставит стакан на стеклянный стол. Трещина на столешнице становится чуть длиннее. Я фиксирую это как новую переменную в уравнении безопасности. Мелочь, но из мелочей складывается катастрофа.

- Поехали, тень, - он поднимается, покачиваясь. - Пора показывать миру, как выглядит настоящий успех в обертке из качественного похмелья.

Я иду за ним к двери. Мой шаг идеально синхронизирован с его, но на полтакта быстрее. Я всегда должна быть на полшага впереди, даже если кажется, что я плетусь сзади. Это и есть работа. Быть щитом, который не чувствует боли. Быть механизмом, который не знает усталости.

Быть Алиной, которой больше не существует вне этого контракта.

ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ ДИСТАНЦИЯ

Лифт спускается на минус второй уровень с тем едва уловимым ощущением невесомости, которое обычные люди называют легким дискомфортом в желудке, а я - изменением вектора вертикального ускорения. В замкнутом пространстве кабины запах Матвея становится плотным, почти осязаемым. Это смесь дорогого одеколона с нотами сандала, несвежего перегара и того специфического аромата адреналинового истощения, который я узнаю из тысячи. Так пахнут люди, которые привыкли сжигать себя ради картинки, забывая, что углеродный скелет имеет предел прочности.

Я стою в углу кабины, сместив центр тяжести на правую ногу. Левое колено после трех операций требует деликатного обращения, хотя внешне я выгляжу как монолит. Мой взгляд зафиксирован на зеркальной панели над его плечом. Матвей рассматривает свое отражение с той степенью отвращения, которую может позволить себе только очень красивый и очень пьяный мужчина. Его зрачки расширены, края радужки размыты. Фотореакция замедлена.

- Знаешь, Алина, у тебя лицо как у памятника чекисту, - цедит он, не поворачивая головы. - Такое же серое и полное праведного гнева. Тебе не говорили, что в твоём возрасте полезно иногда улыбаться? Мышцы лица атрофируются, если их не использовать по назначению.

- Мои мимические мышцы в порядке, Матвей, - отвечаю я, контролируя ровный тон. - Круговая мышца рта в тонусе, этого достаточно для артикуляции. Ваша задача сейчас - дойти до машины, не задев плечом дверной проем. Ширина проема девяносто сантиметров, ваш размах плеч примерно пятьдесят два. Математически вы проходите, физиологически - есть сомнения.

Он издает короткий смешок, который больше похож на сухой кашель. Двери лифта разъезжаются с мягким шипением. Бетонный воздух парковки ударяет в легкие смесью сырости и выхлопных газов. Здесь всегда на пару градусов холоднее, и моя кожа мгновенно реагирует мурашками. Я не поправляю куртку. Лишние движения - это шум.

Матвей шагает вперед. Его походка - это хаос. Амплитуда колебаний туловища превышает допустимые нормы. Он заваливается на пятки, и я вижу, как напрягаются его икроножные мышцы, пытаюсь компенсировать потерю равновесия. Это плохой признак. Вестибулярный аппарат объекта в глубоком нокауте.

Мы подходим к его Porsche 911. Автомобиль выглядит в этом сером бетоне как инородное тело, как хирургический скальпель, брошенный в кучу строительного мусора. Ярко-красный, хищный, с низким клиренсом.

Матвей лезет в карман узких джинсов. Его пальцы двигаются неуклюже, он долго возится с ключом, и я слышу, как металл скребет по ткани. Наконец, он выуживает брелок и нажимает на кнопку. Машина приветственно мигает фарами.

- Я сам, - говорит он, и в его голосе прорезается та самая капризная нота, которая обычно предшествует скандалу. - Обожаю этот звук. Мотор - это единственное, что в этом мире не врет.

Он тянет руку к ручке водительской двери. Я делаю шаг, сокращая дистанцию до минимума. Мое плечо блокирует траекторию его движения. Я не толкаю его, я просто занимаю пространство, которое он считал своим. Это базовый принцип - позиционное доминирование.

- Ключи, Матвей, - говорю я тихо. - Вы не в состоянии управлять даже собственным центром тяжести, не говоря уже о машине мощностью в пятьсот лошадиных сил.

Он замирает. Его лицо оказывается в паре сантиметров от моего. Я чувствую жар, исходящий от его кожи. Он пытается сфокусировать взгляд на моих глазах, но его зрачки продолжают плавать.

- Ты забываешься, тень, - его голос становится вкрадчивым, опасным. - В контракте написано, что ты меня охраняешь, а не работаешь моей мамочкой. Отдай дорогу. Или я решу, что ты проявляешь избыточную физическую агрессию по отношению к нанимателю.

- В пункте 4.2 вашего контракта указано, что я имею право ограничивать вашу свободу передвижения, если существует прямая угроза вашей жизни или здоровью, - я не отступаю ни на миллиметр. Мои ступни плотно прижаты к бетону. Я чувствую каждый шероховатый выступ пола через тонкую подошву кроссовок. - Ваше текущее состояние - это прямая угроза. У вас нарушена координация, время реакции увеличено минимум в три раза. Вы убьете себя на первом же повороте. А мне потом писать отчеты. Я не люблю бумажную работу.

Матвей делает резкое движение рукой, пытаясь отодвинуть меня. Грязно. Его замах слишком широкий, локоть уходит в сторону, открывая корпус. Если бы я была на ринге, я бы встретила его коротким ударом в печень, и на этом сценарий бы закончился. Но я на парковке, и он мой объект.

Я перехватываю его кисть. Мои пальцы смыкаются на его запястье чуть выше сустава. Я не давлю сильно, просто фиксирую точку опоры. Его кожа сухая и горячая, под ней отчетливо бьется пульс - сто десять ударов в минуту. Тахикардия.

- Отпусти, - шипит он. - Ты мне больно делаешь.

- Я держу вас ровно столько, сколько нужно, чтобы вы не упали, - я медленно разжимаю пальцы, но не ухожу с пути. - Ключи, Матвей. По-хорошему.

Он внезапно затихает. Это затишье перед бурей, я знаю этот тип людей. Они не могут победить физически, поэтому ищут брешь в броне. Он смотрит на мое колено, на едва заметный шрам, который выглядывает из-под края укороченных брюк. Его губы кривятся в усмешке.

- А, я понял. Это профессиональная деформация, да? Ты же у нас из этих... поломанных кукол. Которые летели-летели, а потом - хрусть. И всё. Больше никакой большой арены, никакой славы, только роль цербера у зажавшейся рок-звезды. Ты поэтому такая злая? Потому что я могу позволить себе разбиться, а у тебя даже на это прав больше нет?

Его слова должны были задеть, но они проходят мимо, как плохо пущенная стрела. Я оцениваю их только как акустический раздражитель. Грязно, Матвей. Слишком очевидно. Собирайся.

- Ваша попытка психологического давления зафиксирована и проигнорирована, - я протягиваю руку ладонью вверх. - Ключи.

Он смотрит на мою ладонь. У меня мозоли от грифа штанги, которые никогда не сойдут окончательно, и кожа на костяшках чуть грубее, чем положено женщине моего возраста. Для него это, должно быть, выглядит дико. Для него мир - это шелк и глянцевые обложки.

- Ты же понимаешь, что ты никто без этой кобуры и этого выражения лица? - он говорит это почти нежно, сокращая дистанцию еще сильнее. - Если я сейчас закричу, что ты на меня напала, кому поверят? Звезде или охраннику с сомнительным прошлым и железкой в колене?

- Поверят видеокамерам, - я киваю на угол потолка, где тускло горит красный огонек. - И здравому смыслу. Ключи. У меня замерзли ноги, Матвей. Мое колено не любит холод. Не заставляйте меня применять силу. Это будет выглядеть неэстетично в вашем инстаграме.

Он вдруг резко выдыхает, вся агрессия уходит из него, оставляя только вялую покорность пьяного человека. Он швыряет ключи мне в ладонь. Металл обжигает кожу холодом.

- Подавись, - бросает он и направляется к пассажирской двери.

Его шатает сильнее, чем прежде. Я обхожу машину, открываю заднюю дверь.

- Садитесь назад. Там безопаснее в случае столкновения.

- Я не езжу сзади, - упрямится он, хватаясь за край крыши. - Я не в такси.

- Сегодня вы ездите там, где я скажу, - я аккуратно, но твердо кладу ладонь ему на затылок, пригибая голову.

Это движение отработано до автоматизма. Контроль шейного отдела позвоночника - лучший способ заставить человека следовать за вектором силы. Он вваливается на заднее сиденье, бормоча проклятия. Его куртка расстегнута, рубашка выбилась из джинсов. Он выглядит как обломок кораблекрушения, выброшенные на берег.

Я наклоняюсь к нему. Запах алкоголя становится невыносимым. Я хватаю края его тяжелой кожаной куртки и с усилием застегиваю молнию до самого подбородка. Его пальцы пытаются перехватить мои руки, но я быстрее. Мои движения экономны и точны. Вдеть бегунок, потянуть вверх, зафиксировать.

- Что ты делаешь? - он пытается оттолкнуть мои руки.

- Фиксирую периметр, - я дергаю за ремень безопасности, перекидываю его через его грудь и защелкиваю замок. - Вы похожи на мешок с песком, Матвей. Если я резко заторможу, вы вылетите через лобовое стекло, а мне не нужны лишние пятна на обивке.

Я захлопываю дверь раньше, чем он успевает ответить. Тишина парковки поглощает звук удара металла о металл. Я обхожу машину, сажусь за руль. Кресло настроено под его рост, мне приходится пододвинуть его вперед. Мои ноги находят педали с той же уверенностью, с какой они находили опору на бревне. Мышечная память - это единственное, чему я доверяю. Она не умеет лгать и не поддается эмоциям.

Я нажимаю кнопку пуска. Двигатель отзывается утробным рыком. Вибрация передается через руль в ладони, поднимается выше к предплечьям. Хорошая машина. Слишком хорошая для человека, который не ценит собственную жизнь.

- Ты водишь как пенсионерка, я уверен, - раздается сзади его глухой голос. - Будешь соблюдать все знаки и мигать поворотниками за километр до поворота?

- Я буду вести так, чтобы сохранить целостность вашего тела и этого транспортного средства, - я включаю заднюю передачу. - А ваше мнение о моем стиле вождения имеет нулевой приоритет.

Я смотрю в зеркало заднего вида. Он откинул голову на подголовник и закрыл глаза. Его лицо в полумраке кажется бледным, почти прозрачным. В этот момент, когда он не паясничает и не пытается уколоть, он выглядит пугающе уязвимым. Как сложный механизм, у которого выдернули предохранитель.

Я начинаю маневр разворота. Руль идет туго, машина требует силы. Мне нравится это сопротивление. Это дает ощущение реальности.

Внезапно мое боковое зрение фиксирует движение. Вспышка.

Короткий, ослепительно белый импульс света в дальнем углу парковки, за бетонной колонной. Мой мозг обрабатывает информацию мгновенно: расстояние тридцать метров, угол сорок пять градусов, высота примерно полтора метра от пола. Это не отблеск фар и не технический свет.

Вспышка профессиональной камеры.

Я не торможу резко, чтобы не выдать свою реакцию. Мой пульс подкакивает на несколько ударов, но руки на руле остаются спокойными. Я плавно вывожу Porsche к выезду.

- У нас гости, Матвей, - говорю я, не оборачиваясь.

- М-м-м? - он едва приоткрывает один глаз. - Опять поклонницы? Скажи им, что автограф-сессия в морге.

- Папарацци. Колонна номер сорок два. Снимали, как я заталкивала вас в машину.

Матвей издает тихий, довольный смешок.

- Прекрасно. Завтра заголовки будут соревноваться в остроумии. Рок-звезда и его доминантка. Или: Падение кумира в объятия охраны. Тебе понравится слава, Алина. Она липкая, как дешевая газировка, и от нее так же трудно отмыться.

- Мне плевать на заголовки, - я прикладываю пропуск к терминалу на выезде. - Но мне не нравится, что я пропустила их появление. Это минус в мою статистику.

- Твоя статистика - это единственное, что тебя волнует? - он подается вперед, насколько позволяет ремень. - У тебя там, под ребрами, вообще что-то есть? Или там тоже титановая пластина, как в колене?

Я смотрю на него через зеркало. В его глазах - странный, лихорадочный блеск. Он хочет, чтобы я разозлилась. Он жаждет моей реакции, как наркоман дозы. Это его способ чувствовать себя живым - отражаться в чужой ярости или боли.

- Там мышцы, Матвей. Сердечная мышца, в частности. Она сокращается примерно шестьдесят раз в минуту в состоянии покоя. Сейчас чуть чаще из-за вашей болтовни.

Я выезжаю на ночную улицу. Город встречает нас неонами и редкими машинами. Дождь начинает моросить, оставляя на лобовом стекле мелкие, бисерные капли. Щетки работают с методичным звуком: вжик-вжик. Вжик-вжик.

Я веду машину плавно, чувствуя, как Porsche отзывается на малейшее движение стопы. Это почти как танцевать, если забыть о том, что мои танцы закончились на операционном столе под лампой, похожей на огромный немигающий глаз.

В моем левом колене начинает ныть. Глухая, тянущая боль, предвестник смены погоды или избыточного напряжения. Я игнорирую ее. Боль - это просто сигнал нервной системы о повреждении тканей. Сигнал можно подавить, если сосредоточиться на задаче.

Моя задача - донести этот груз до точки Б.

- Знаешь, почему ты мне не нравишься? - Матвей снова заговорил. Его голос стал тише, в нем появилась вязкость. - Не потому, что ты зануда. И не потому, что ты сильнее меня.

- И почему же?

- Потому что ты напоминаешь мне о том, что всё имеет конец. Ты - живое доказательство того, что можно быть совершенством, а потом стать... этим. Функцией. Инструментом. Ты как призрак Рождества, которое уже никогда не наступит.

Я сжимаю руль чуть крепче. Кожа на руле скрипит под моими пальцами.

- Вы ошибаетесь, Матвей. Я не призрак. Я - реальность, с которой вам приходится считаться, пока вы не научитесь застегивать собственные штаны без посторонней помощи.

Мы едем по набережной. Огни отражаются в черной воде реки, создавая иллюзию двойного города. Один - твердый, каменный, другой - зыбкий, рассыпающийся от малейшего всплеска. Матвей сейчас в том, втором городе. И моя работа - не дать ему утонуть в собственных отражениях.

- Расскажи мне, - вдруг произносит он, и в его голосе нет обычной издевки. - Как это было? Тот самый момент, когда всё сломалось. Ты услышала звук? Или просто поняла, что гравитация победила?

Я смотрю на дорогу. Перед глазами на мгновение вспыхивает магnezия на ладонях. Запах спортзала - пот, резина, мел. Высокое бревно, узкое, как лезвие ножа. Воздух, свистящий в ушах во время сальто. И потом - приземление. Оно не было громким. Просто короткий щелчок, похожий на звук сломанной сухой ветки. И тишина. Самая страшная тишина в моей жизни, когда три тысячи человек в зале затаили дыхание, а я смотрела на свою ногу, которая больше мне не принадлежала. Она лежала под странным углом, как у сломанной куклы, и я не чувствовала боли. Только удивление. Огромное, всепоглощающее удивление: как такое совершенное устройство могло подвести в самый важный момент?

- Это не имеет значения, - отвечаю я. - Прошлое - это отработанный материал. Биомеханическая ошибка, которую нельзя исправить, можно только учесть в будущих расчетах.

- Ложь, - выдыхает он. - Ты до сих пор там, на том бревне. Ты до сих пор пытаешься удержать равновесие. Поэтому ты такая... застывшая. Ты боишься пошевелиться, чтобы не упасть снова.

- Я не падаю, Матвей. Я приземляюсь. Иногда жестко, но всегда на ноги.

Мы подъезжаем к его дому. Это современный жилой комплекс, похожий на нагромождение стеклянных кубов. Охрана на въезде узнает машину и открывает ворота. Я заезжаю в подземный гараж - еще один бетонный склеп, только чище и светлее предыдущего.

Я глушу мотор. Тишина обрушивается на нас, прерываемая только тиканьем остывающего двигателя.

- Приехали. Выходите.

Матвей не шевелится. Он смотрит в окно на серую бетонную стену.

- А если я не хочу? Если я хочу просто сидеть здесь и слушать, как ты дышишь? У тебя очень ритмичное дыхание, Алина. Как у метронома. Успокаивает.

- Мое дыхание не входит в перечень платных услуг, - я отстегиваю свой ремень и выхожу из машины.

Открываю его дверь, отщелкиваю ремень. Он вываливается мне на руки. Его вес значителен - около восьмидесяти килограммов. Мой позвоночник принимает нагрузку. Я распределяю вес так, чтобы основное давление шло на бедра, а не на поясницу.

Мы идем к лифту. Он почти висит на мне, его рука тяжело лежит на моих плечах. Я чувствую тепло его тела через ткань куртки. Его пальцы непроизвольно сжимают мое плечо, нащупывая дельтовидную мышцу.

- Жесткая, - бормочет он. - Ты вся из железа.

- Это называется мышечный тонус, Матвей. Попробуйте переставлять ноги, а не волочить их. Это снизит нагрузку на мои суставы.

Лифт поднимает нас на тридцатый этаж. В пентхаусе пахнет пустотой и дорогим клининг-сервисом. Огромные окна от пола до потолка открывают вид на город, который кажется отсюда набором микросхем.

Я довожу его до спальни. Огромная кровать с серым бельем выглядит как посадочная площадка. Я опускаю его на край.

- Ботинки, - говорю я, наклоняясь.

Развязываю шнурки на его тяжелых ботинках. Они дорогие, ручной работы, но сейчас выглядят просто как обуза. Я снимаю их по очереди, ставлю ровно у кровати.

Когда я выпрямляюсь, он хватает меня за руку. Его хватка неожиданно крепкая.

- Останься, - говорит он. Его голос больше не ленивый. В нем слышится что-то похожее на панику. - Мне не нравится, когда в этом аквариуме слишком тихо.

- Мой пост у двери, - я аккуратно высвобождаю руку. - Я буду в гостиной. Если вам станет плохо - нажмите кнопку на бра.

- Мне уже плохо, Алина. Но это не лечится кнопками.

Он валится на подушки, не раздеваясь. Через минуту его дыхание становится тяжелым и ровным. Он уснул.

Я выхожу в гостиную, закрывая за собой дверь. Сажусь в кресло, из которого виден и вход в квартиру, и коридор к спальне. Мое колено горит огнем. Я осторожно расстегиваю молнию на брюках и закатываю штанину. Сустав отек, кожа вокруг шрамов покраснела.

Я достаю из сумки эластичный бинт. Начинаю накладывать повязку, виток за витком. Восемь слоев. Оптимальное давление для фиксации надколенника.

Я смотрю на свои руки. Они слегка дрожат - побочный эффект удержания чужого веса и сдерживаемого раздражения.

Матвей прав в одном: я всё еще там, на том бревне. Только теперь бревно - это моя жизнь, а внизу нет матов. Только холодный бетон реальности, на котором я должна стоять прямо, чего бы мне это ни стоило.

Я достаю телефон. Проверяю отчеты системы безопасности. Всё чисто. Кроме той вспышки на парковке.

Я знаю, что завтра утром мое лицо будет во всех таблоидах. Рядом с ним. Сломленная чемпионка и падшая звезда. Идеальный контент для тех, кто любит смотреть на катастрофы из окна своей уютной нормальности.

Я откидываюсь на спинку кресла. Гравитация давит на меня с силой девять и восемь метров на секунду в квадрате. Столько же, сколько и на него. Но я умею держать удар. Я профессионал.

Впереди еще триста шестьдесят четыре дня.

Я закрываю глаза, но не сплю. Я слушаю дом. Шорох вентиляции. Далекий гул лифта. И тихий, едва слышный храп за дверью спальни.

Мир - это набор векторов. И сегодня мой вектор направлен в темноту, где нет судей, нет зрителей, и нет права на ошибку.

Только тишина и пульсирующая боль в колене, напоминающая о том, что я всё еще жива.

Я проверяю время. Три часа утра. Самое время для того, чтобы осознать: самая длинная дистанция - это та, которую ты проходишь внутри себя, пытаясь не обернуться на звук собственного крушения.

Я справлюсь. У меня нет другого выбора. Мое тело - мой инструмент. Моя воля - мой каркас.

Держи спину, Алина. Грязно. Соберись.

Я затягиваю бинт чуть туже и замираю, превращаясь в часть интерьера. В тень, которая не умеет чувствовать, но умеет защищать.

До самого рассвета.

Где-то внизу, в сером бетоне города, уже проявляются снимки нашей маленькой драмы на парковке. Цифровые пиксели складываются в картинку: женщина в черном, жестко фиксирующая мужчину в кожаной куртке. Вспышка выхватила мое лицо - напряженное, лишенное эмоций, холодное.

Матвей хотел шоу. Он его получил.

А я получила подтверждение того, что в этом мире безопасность - это иллюзия, которую мы продаем друг другу, чтобы не сойти с ума от осознания собственной хрупкости.

Я закрываю глаза и считаю вдохи. Раз. Два. Три.

Дистанция установлена. Границы обозначены.

Игра началась, и в ней не будет победителей. Только те, кто устоял на ногах, когда пол ушел из-под них.

Я устою. Я всегда устояла. Даже когда казалось, что кости превратились в пыль, а амбиции - в пепел.

Потому что после удара всегда идет следующий подход. И я к нему готова.

Я открываю глаза и смотрю на панорамное окно. Город начинает сереть. Первый свет касается крыш, превращая их в подобие ступеней огромной лестницы, уходящей в небо.

Но я не смотрю вверх. Я смотрю в дверной проем. Там, за стеной, спит человек, который считает, что может меня сломать. Он не знает, что нельзя сломать то, что уже было разбито и собрано заново из более прочных материалов.

Я - Алина. И я на посту.

Это всё, что имеет значение в три часа сорок пять минут утра на тридцатом этаже стеклянной клетки.

Боль в колене затихает, сменяясь привычным онемением. Это хороший знак. Это значит, что механизм снова в строю.

Я выпрямляю спину. Гравитация сегодня кажется чуть легче. Или я просто привыкла к ее давлению.

Впереди новый день. Новые векторы. Новые угрозы.

И я встречу их так же, как встречала прыжки на бревне - с холодным расчетом и абсолютным отсутствием страха.

Потому что самое страшное уже случилось. А всё остальное - это просто работа.

Просто еще один день в персональном аду, где я - единственный охранник, у которого есть ключи от всех дверей, кроме той, что ведет назад, в прошлое.

Но я туда и не стремлюсь.

Мой путь - только вперед. По тонкой линии между долгом и безумием. По вектору, который я выбрала сама.

И я пройду его до конца. Без единой лишней эмоции. Без единого сбоя в системе.

Потому что я - профессионал. А профессионалы не падают. Они просто меняют точку опоры.

ГЛАВА 4: ЭФФЕКТ ТОЛПЫ

Черный внедорожник перекачивается через выбоины асфальта с мягкостью сытого хищника. В салоне пахнет дорогим кондиционером, кожей и едва уловимым перегаром Матвея - след вчерашнего виски, который он пил так, словно пытался залить пожар в пустом подвале. Мое колено пульсирует в ритме работы двигателя. Тук-тук. Тук-тук. Это не боль, это напоминание. Механическое уведомление о том, что сустав на месте, связки натянуты, а металлическая пластина внутри не собирается покидать чат. Я проверяю часы. Девять тридцать две. Мы опаздываем на восемь минут. Для Матвея это пунктуальность. Для меня - нарушение графика, которое ведет к дестабилизации всей системы.

Матвей сидит справа от меня, развалившись на сиденье так, будто у него в позвоночнике нет ни одного позвонка, только жидкий хаос. Он пялится в окно, где за бронированным стеклом проплывают серые стены промзоны, переходящие в нарядный фасад телестудии. Его пальцы, длинные и нервные, выстукивают по колену какой-то рваный ритм. Избыточное напряжение в лучезапястном суставе. Он на взводе, хотя пытается казаться сонным овощем.

- Алина, детка, ты когда-нибудь пробовала просто дышать? - его голос звучит как наждак по шелку. Лениво, с этой его фирменной хрипотцой, за которую фанатки готовы продать по почке. - Ты сидишь так, будто ждешь прямого попадания метеорита в наш капот. Расслабь трапеции. Они у тебя скоро лопнут и забрызгают мне новый пиджак своей железной дисциплиной.

Я не поворачиваю головы. Мой взгляд сканирует пространство впереди. Вход в студию забит людьми. Сверху это, должно быть, выглядит как копошащийся муравейник, но с моего ракурса это неорганизованная биомасса, обладающая огромной кинетической энергией. Векторы силы направлены хаотично, но как только мы остановимся, они сконцентрируются в одной точке. В нем.

- Мои мышцы - это моя проблема, Матвей, - отвечаю я, четко выговаривая каждый слог. - Ваша проблема - уложиться в тайминг. Грязно работаем. Опоздание - это лишние минуты для толпы, чтобы разогреться. Чем дольше они ждут, тем выше уровень кортизола. Тем выше вероятность неконтролируемой агрессии.

он усмехается. Я чувствую эту усмешку кожей плеча, хотя между нами добрых тридцать сантиметров.

- Кортизол, векторы... Ты скучная, как учебник по сопромату. Люди пришли за любовью. Они хотят коснуться божества. А ты - мой маленький цербер в дешевом пиджаке - мешаешь им совершить причастие.

- Я не цербер. Я предохранитель. И ваш пиджак стоит дороже, чем мое годовое обслуживание у хирурга, так что не надо про дешевизну. Приготовились. На выходе не останавливаться. Идите за моим правым плечом. Не вздумайте играть в мессию и раздавать автографы до того, как мы пересечем порог.

Машина плавно тормозит. Толпа взрывается звуком. Это не крик, это ультразвуковой визг, который бьет по барабанным перепонкам, заставляя внутреннее ухо судорожно искать равновесие. Я чувствую, как мои челюсти смыкаются. Жвачка во рту превращается в кусок резины.

- Ослабь хватку, Алина, - шепчет он, наклоняясь к самому моему уху. - Шоу начинается. Он открывает дверь сам. Идиот. Нарушение протокола номер один. Я должна была выйти первой, оценить плотность толпы, создать коридор. Но Матвей любит эффекты. Он вываливается наружу, сразу вскидывая руки, и волна человеческого мяса захлестывает машину.

Я выпрыгиваю следом, приземляясь на левую ногу, бережно перенося вес на пятку, чтобы не перегрузить связку. Центр тяжести вниз. Спина прямая. Глаза работают как сканер, разбирая толпу на сектора.

- Назад! - мой голос тонет в реве, но я не кричу связками, я толкаю звук из диафрагмы.

Матвей, вопреки моим инструкциям, замирает. Он надевает свою маску - этот взгляд с поволокой, полуулыбка подонка, который знает, что его простят за любое преступление. Он начинает тянуть руки к телефонам, которые суют ему в лицо. Хаос. Абсолютный, неструктурированный хаос.

Я вклиниваюсь между ним и первой линией фанатов. Мой локоть упирается в чью-то грудную клетку - не удар, просто жесткая фиксация дистанции. Кости под моей рукой ощущаются хрупкими, как сухие ветки. Женщина лет сорока визжит мне в ухо, ее слюна летит мне на щеку. Физиологическое отвращение блокируется мгновенно. Нет времени на брезгливость, есть только задача.

- Матвей, шаг вперед! - я команду, используя плечо как таран.

Он игнорирует. Он берет чей-то маркер. Его пальцы касаются чужих пальцев. С точки зрения безопасности - это катастрофа. Любой из этих "любящих" фанатов может держать в руке бритву, шприц или просто дернуть так, что вывихнет ему плечо. В толпе нет личностей, есть только рефлекторная дуга.

- Двигаемся! - я перехватываю его за локоть. Жестко. Мои пальцы смыкаются на его предплечье, находя точки между мышцами. Он морщится, но подчиняется инерции моего движения.

Толпа давит. Вектор давления нарастает слева. Там группа подростков, они наваливаются друг на друга, создавая эффект домино. Если первая шеренга упадет, нас просто затопчут. Я выставляю ладонь, упираясь в плечо парня в худе. Его зрачки расширены, дыхание частое, поверхностное. Гипервентиляция. Он не в себе.

- Отойди на шаг, - говорю я ему в лицо. Он не слышит. Он тянется к Матвею, его пальцы скрючены, как когти.

В этот момент чья-то рука пронесется над моей головой. Цель - моя кепка. Это старый трюк фанатов: сорвать вещь с охраны или со звезды, чтобы оставить себе трофей. Нарушение личного пространства - это триггер.

Моя правая рука взлетает вверх быстрее, чем я успеваю осознать команду мозга. Мышечная память - великая вещь. Я перехватываю чужую кисть в районе лучезапястного сустава. Захват. Поворот. Использование рычага первого рода. Я не прилагаю много усилий, я просто использую его собственную инерцию против него.

Парень - на вид лет двадцати, худощавый, с сальными волосами - вскрикивает. Его кисть оказывается в замке. Если я поверну еще на пять градусов, связки лопнут с характерным звуком рвущейся ткани. Грязно. Слишком много свидетелей, слишком много камер.

- Еще раз потянешься - сломаю, - роняю я, глядя ему прямо в глаза. В моих глазах нет ярости, только сухой расчет. Он видит это и бледнеет.

Я отпускаю его руку, одновременно толкая его плечом назад, в массу тел. Это освобождает нам еще полметра пространства.

- Ты злая сука, Алина, - доносится до меня смех Матвея. Он наслаждается. Для него это подпитка, его личный наркотик - видеть, как люди сходят с ума от одного его присутствия, и как я, словно киборг, зачищаю вокруг него пространство. - Тебе бы в ОМОН, а не в шоу-бизнес.

- В ОМОНе меньше платят и больше порядка, - огрызаюсь я.

Мы почти у дверей. Осталось пять метров. Это самая опасная зона - воронка, где плотность толпы максимальна. Здесь люди перестают контролировать свои движения, их несет потоком. Я чувствую, как чье-то колено бьет меня по моему большому суставу. Вспышка белого света в глазах. Резкий, колющий импульс уходит в бедро.

Соберись. Держи спину. Не хромать.

Я выравниваю походку через силу воли, распределяя нагрузку на внешнее ребро стопы. Мой внутренний тренер орет: Грязно! Ты заваливаешь горизонт! Смести центр тяжести!

Я смещаю. Я становлюсь монолитом. Матвей идет в моем фарватере, прижимаясь почти вплотную. Я чувствую жар его тела, запах парфюма, смешанный с запахом стресса. Он может улыбаться сколько угодно, но его кожа пахнет страхом. Он боится этого обожания так же сильно, как и жаждет его.

И тут я его вижу.

В десяти метрах, у самого края оцепления, которое вяло пытаются держать местные секьюрити. Он не кричит. Он не тянет телефон. Он даже не смотрит на Матвея.

Мужчина. Около сорока. Серая неприметная куртка, джинсы. Но дело не в одежде. Дело в осанке. Плечи опущены, но не расслаблены. Подбородок чуть втянут. Стопы стоят параллельно, вес распределен идеально - пятьдесят на пятьдесят. Это стойка человека, готового к мгновенному старту. Армейская выправка, вбитая в костный мозг. Так стоят те, кто привык ждать часами, чтобы сделать один единственный точный шаг.

Его взгляд прикован ко мне. Не к звезде, не к шоу, а ко мне. Он оценивает мою работу. Он видит мой перекос на левую ногу. Он видит, как я перехватила руку того парня. Он считывает мои слепые зоны.

Холод проходит по позвоночнику, минуя все эмоциональные фильтры. Это профессиональное. Охотник видит охотника.

- Матвей, быстрее, - я хватаю его за ремень пиджака и буквально втаскиваю в стеклянный тамбур студии.

Охранники на входе наваливаются на двери, отсекая ревушую толпу. Стеклопакеты вибрируют под ударами сотен ладоней. Звук мгновенно глохнет, сменяясь гулким эхом пустого фойе и шипением кондиционеров.

Матвей вырывается, поправляет пиджак и приглаживает волосы. Его лицо меняется за секунду: маска обожаемого кумира сползает, обнажая усталость и раздражение. Он выглядит так, будто его только что выполоскали в грязной луже.

- Ты порвала мне петлицу, цербер, - бросает он, глядя на меня с ледяной неприязнью. - Ты хоть понимаешь, что это ручная работа?

Я не слушаю его. Я разворачиваюсь к стеклу. Толпа снаружи - это просто размытое пятно. Но я ищу того человека. Серая куртка. Армейская стойка.

Его там нет. Он исчез, как только мы пересекли порог. Растворился в массе тел, оставив после себя только ощущение стальной иглы, застрявшей между лопатками.

- Алина, я с тобой разговариваю! - Матвей щелкает пальцами перед моим носом.

Я перевожу взгляд на него. Его зрачки все еще расширены, но теперь это не адреналин, это злость. Он ненавидит, когда я его игнорирую. Он хочет быть центром моей вселенной, даже если эта вселенная состоит из графиков охраны и маршрутов эвакуации.

- Вы в безопасности, Матвей. Пиджак починят. У вас эфир через пятнадцать минут. Идите в гримерку.

- Ты видела их? - он вдруг делает шаг ко мне, нарушая дистанцию. Слишком близко. Я чувствую его дыхание на своих губах. - Они же готовы меня сожрать. В буквальном смысле. Оторвать по кусочку и унести домой в карманах. И ты среди них - как ледяная глыба в супе. Тебе вообще бывает страшно? Или у тебя вместо нервов оптоволокно?

Я смотрю на его губы. Они подергиваются. Мышечный тик в левом углу рта. Он на грани срыва, и этот спектакль с пиджаком - просто способ сбросить давление.

- Страх - это неэффективная трата ресурсов, - отвечаю я, сохраняя голос ровным. - Он замедляет реакцию на ноль три секунды. В моей работе это разница между синяком и закрытым гробом.

- Робот, - выплевывает он и разворачивается, направляясь к лифтам. Его походка снова становится вальяжной, но я вижу, как напряжены его икры. Он идет как по минному полю, хотя здесь, внутри, только стерильный кафель и вежливые администраторы.

Я остаюсь в холле. Мое колено горит. Я чувствую, как внутри сустава скапливается жидкость. Нужно бы приложить лед, но это слабость. Я достаю из кармана рацию.

- Пост один, это Алина. У входа был объект. Мужчина, серая куртка, рост около ста восьмидесяти пяти, короткая стрижка, спортивное телосложение. Отследите по камерам внешнего периметра. Он не фанат.

- Принято, - отзывается сухой голос в наушнике. - Что-то конкретное?

- Просто посмотрите, куда он ушел. И проверьте, не засветился ли он на парковке. У него... слишком правильная осанка для гражданского.

Я выключаю связь и прислоняюсь спиной к холодной колонне. Бетон приятно холодит лопатки. Я закрываю глаза на секунду.

Перед глазами всплывает картинка из прошлого. Зал в Новогорске. Запах магнезии и пота. Тренер стоит у бревна, скрестив руки на груди. Его взгляд такой же, как у того человека в толпе. Оценивающий. Ищущий изъян.

- Ты мусор, Алина, - говорит тренер. Его голос спокойный, почти ласковый. - В тебе нет легкости. Ты борешься с гравитацией, а должна с ней дружить. Ты прыгаешь так, будто хочешь пробить пол. Грязно. Соберись. Или иди в библиотеку, там твоя тяжеловесность никому не помешает.

Я тогда собралась. Я сделала этот прыжок. Три винта, приземление в докрут. А потом хруст. Звук, который я буду слышать до конца своих дней. Это был не звук ломающейся кости. Это был звук рушащегося мира. Словно кто-то выдернул фундамент из-под здания, которое я строила шестнадцать лет.

Сейчас я стою в холле телестудии, охраняя человека, который считает себя центром мироздания, и понимаю, что ничего не изменилось. Я всё еще борюсь с гравитацией. Я всё еще пытаюсь не пробить пол. Только теперь пол - это моя жизнь, а гравитация - это всё то дерьмо, которое пытается меня сломать.

Я открываю глаза. В холл влетает ассистентка с кипой бумаг.

- Алина, Матвей просит вас зайти в гримерку! Он отказывается гримироваться, пока вы не проверите косметику на наличие ядов! - она нервно хихикает, думая, что это шутка.

Я знаю, что это не шутка. Это способ Матвея помучить меня, заставить подчиниться его капризу, напомнить, кто здесь платит за музыку. Он проверяет мои границы. Он хочет найти точку, где я ломаюсь, где из охранника превращусь в женщину, которая начнет на него орать или, чего доброго, плакать.

Он не дождетя.

Я иду к лифтам. Каждый шаг - это расчет. Пятка, перекат, носок. Колено держит. Я - исправный механизм. Я - профессионал. А профессионалы не чувствуют боли. Они просто меняют точку опоры.

В лифте зеркальные стены. Я смотрю на свое отражение. Бледная кожа, глаза, в которых не осталось ничего, кроме функции наблюдения. На шее маленькая царапина - видимо, кто-то из толпы всё-таки задел ногтем. Я провожу по ней пальцем. Крови нет. Только тонкая полоса воспаленной плоти.

Двери открываются на четвертом этаже. Коридоры студии похожи на лабиринт. Я иду по памяти, хотя была здесь всего один раз на инструктаже. Мой мозг автоматически фиксирует выходы, огнетушители и углы обзора камер. Генетическая память отличницы.

У двери гримерки номер 12 стоит охрана канала. Двое парней с пустыми глазами и плоскими стрижками. Они смотрят на меня с легким пренебрежением - женщина в их профессии всегда воспринимается как недоразумение, пока она не сломает кому-нибудь челюсть.

- Свои, - бросаю я, не замедляя шага.

Внутри гримерки царит контролируемый хаос. Стилист, похожий на испуганного фламинго, кружит вокруг Матвея, который сидит в кресле, закинув ноги на стол с зеркалами.

- О, явилась, - Матвей смотрит на мое отражение. - Посмотри на этот тональный крем, Алина. Мне кажется, он пахнет синильной кислотой. Проверь-ка его своим собачьим нюхом.

Стилист бледнеет и начинает что-то лепетать про гипоаллергенность и бренд.

- Оставьте нас, - говорю я. Голос звучит негромко, но в нем столько свинца, что стилист исчезает за дверью быстрее, чем успевает закончить фразу.

Я подхожу к столу. Беру баночку с кремом. Обычный грим. Дорогой, профессиональный. Я смотрю на Матвея через зеркало.

- Хватит ломать комедию. Вам нужно выйти в эфир через десять минут. Вы ведете себя как ребенок, которому не купили игрушку.

- А ты ведешь себя как моя мать, - он резко опускает ноги со стола и разворачивается ко мне. - Она тоже всегда знала, как лучше. Как стоять, как улыбаться, как продавать свою искренность подороже. Ты ведь тоже меня продаешь, да? Свою бдительность за мои деньги.

Он встает. Он выше меня на голову, и сейчас он пытается использовать это преимущество. Он нависает, пытаясь подавить меня своим объемом, своим запахом, своей харизмой, которая работает на миллионы, но на меня действует как белый шум.

- Я выполняю контракт, Матвей. В контракте нет пункта об эмоциональной поддержке или участии в ваших психологических играх. Хотите бояться толпы - бойтесь. Хотите ненавидеть меня - ненавидьте. Но грим наложите. Лицо в кадре должно быть безупречным. Это тоже часть вашей работы.

Он вдруг протягивает руку и касается царапины на моей шее. Его пальцы холодные. Это прикосновение - нарушение всех границ. Моя мышечная память вопит: Контратака! Захват пальцев! Удар в кадык!

Я заставляю себя стоять неподвижно. Мои мышцы каменеют. Я чувствую, как пульс бьется прямо под его указательным пальцем.

- Ты ранена, - шепчет он. Его голос меняется. В нем исчезает цинизм, остается какая-то странная, пугающая мягкость. - Мои фанаты пустили кровь моему церберу. Как иронично.

- Это просто царапина. Отойдите.

- А если я не хочу? - он делает еще полшага вперед. Теперь мы почти соприкасаемся телами. Я чувствую жесткую ткань его пиджака и тепло, исходящее от его груди. - Что ты сделаешь, Алина? Применишь свой рычаг первого рода? Уложишь меня на лопатки?

Его глаза расширены. Он не шутит. Он провоцирует меня на настоящую, живую реакцию. Он хочет увидеть искру жизни в моем мертвом, механическом мире.

- Я просто напому вам, что прямой эфир не будет ждать, пока вы закончите свой сеанс самолюбования, - я аккуратно, но твердо перехватываю его руку за запястье и отвожу от своей шеи. - Садитесь. Я позову гримера.

Я разворачиваюсь и выхожу, не дожидаясь ответа. Мое сердце бьется ровно - семьдесят два удара в минуту. Идеальный ритм. Но ладони слегка влажные. Это биологический сбой. Нужно протереть их антисептиком.

В коридоре я снова достаю рацию.

- Пост один, что по объекту в серой куртке?

Пауза в эфире длится слишком долго. Пять секунд. Шесть.

- Алина, это пост один. Мы просмотрели записи. Человек в серой куртке... он не ушел. Он зашел в здание через служебный вход за три минуты до вашего приезда. У него был пропуск технического персонала.

Я замираю. Векторы силы в моей голове мгновенно перестраиваются. Технический персонал. Пропуск. Армейская осанка.

- Имя на пропуске?

- Семенов Игорь Викторович. Техник по свету.

- Проверьте базу. Сейчас же.

Я не жду ответа. Я уже бегу обратно к гримерке. Мое колено стреляет острой болью, но я игнорирую ее. Боль - это просто информация. Информация говорит мне, что мы в ловушке.

Я влетаю в гримерку. Матвей сидит в кресле, гример уже начал работать над его лицом.

- Вставай, - говорю я. Это не просьба. Это приказ.

- Что опять... - начинает он, но видит мое лицо и замолкает.

- Мы уходим. Сейчас.

- Но эфир через пять минут! Продюсеры меня убьют!

- Если мы останемся, это сделает кто-то другой, - я хватаю его за руку, не забываясь о деликатности. - Грязно работает ваш отдел кадров, Матвей. Очень грязно.

Я вывожу его в коридор. Мой мозг уже рисует карту путей отхода. Лифт - нет, это ловушка. Пожарная лестница - слишком предсказуемо. Нужно идти через технические этажи.

В конце коридора я вижу тень. Кто-то только что зашел за угол. Серая куртка.

Я чувствую, как во мне просыпается то, что я считала похороненным под обломками моей карьеры. Спортивная злость. Азарт. Желание победить любой ценой.

Мое тело - это сжатая пружина. Мой ум - холодный процессор.

- Держись за мной, - шепчу я Матвею. - И на этот раз делай ровно то, что я скажу. Иначе твой следующий пиджак будет белым и с очень длинными рукавами.

Мы ныряем в боковую дверь, ведущую в зону кабельных шахт. Здесь темно и пахнет пылью. Мое колено ноет, но я иду быстро, почти бесшумно. Пятка-носок. Пятка-носок.

Я слышу шаги за спиной. Ритмичные. Уверенные. Человек не бежит, он идет на перехват, зная наши координаты. У него есть план. У него есть преимущество.

Но у него нет одной вещи. У него нет Алины, которой нечего терять, кроме своей функции.

Я останавливаюсь у развилки. Справа - выход к парковке, слева - подвал.

- Иди направо, - шепчу я Матвею. - Там за дверью будет охранник в синей форме. Скажи ему код "Зенит-4". Он выведет тебя к машине.

- А ты? - он смотрит на меня в темноте, и я вижу блеск его глаз. В них больше нет скуки. Только первобытный страх и... восхищение?

- А я проверю его векторы, - отвечаю я и толкаю его в сторону двери.

Я остаюсь одна в темном коридоре. Тишина давит на уши. Я слышу собственное дыхание - ровное, глубокое. Я оцениваю помещение. Углы обзора минимальны. Опорных точек много - трубы, выступы стен, кабельные короба.

Шаги приближаются.

Я встаю в тень за массивным щитком. Центр тяжести вниз. Мышцы бедер напряжены, готовые к взрывному движению. Мой внутренний тренер молчит. Он знает: сейчас будет не гимнастика. Сейчас будет биомеханика выживания.

Из-за угла появляется фигура. Серая куртка. Он идет спокойно, в руке у него что-то длинное и тонкое. Не пистолет. Заточка? Проволока?

Он проходит мимо моего укрытия. Я вижу его профиль. Никаких эмоций. Просто работа. Я выхожу из тени.

- Грязно работаете, Игорь Викторович, - говорю я его же осанкой.

Он оборачивается мгновенно. Его реакция - ноль одна секунды. Профессионал. Он не тратит время на слова. Он сокращает дистанцию.

Первый удар идет в область печени. Я принимаю его на жесткий блок предплечьем. Кость в кость. Боль тупая, знакомая. Я не отступаю, я иду в клинч. Моя задача - лишить его пространства для маневра.

Он пытается ударить коленом. Я ухожу в сторону, вращаясь на левой ноге. Сустав протестует, но держит. Я перехватываю его руку. Тот самый захват, который я отрабатывала на фанате, но здесь нужно больше силы.

Он сильнее. Он намного сильнее меня. Его мышцы - это жгуты из стали. Он легко сбрасывает мой захват и бьет меня в челюсть. Голова откидывается назад, во рту появляется вкус железа.

Соберись! - кричит внутренний голос. - Держи дистанцию! Используй рычаг!

Я ныряю ему под руку, обхватываю его за пояс и использую всю инерцию своего тела, чтобы бросить его через бедро. Это прием из дзюдо, который я учила просто ради общего развития. Но сейчас он - моя единственная надежда.

Мы падаем вместе. Грохот в пустом коридоре звучит как взрыв. Я оказываюсь сверху, мои пальцы ищут его горло, но он перехватывает мои руки.

Мы замираем в этой нелепой, смертельной позе. Его глаза совсем близко. В них нет ненависти. Только профессиональное любопытство.

- Неплохо для гимнастки, - шепчет он. Его голос лишен эмоций. - Но у тебя левое колено не держит. Ты заваливаешься при каждом повороте.

Он делает резкое движение, и я чувствую, как его нога бьет точно в мой больной сустав. Боль такая острая, что мир на секунду гаснет. Я вскрикиваю, моя хватка слабеет.

Он сбрасывает меня с себя и встает. Я лежу на бетонном полу, прижимая руки к колену. Слезы сами катятся из глаз - не от горя, от чистого физиологического шока.

Он смотрит на меня сверху вниз. Не добивает. Просто стоит.

- Твой объект уже уехал, - говорит он. - Моя задача была - проверить охрану. Тест провален, Алина. Ты слишком эмоциональна. Ты реагируешь на провокации. Ты позволяешь объекту нарушать дистанцию.

- Кто ты? - выдавливаю я через силу.

- Твой новый кошмар. Или твой единственный шанс выжить в этой игре. Передай своему нанимателю, что первый уровень пройден. Но на втором - стреляют на поражение.

Он разворачивается и уходит в темноту. Я слышу,

ГЛАВА 5: ГРИМЕРКА

Я слышу, как его шаги затихают в глубине парковки, превращаясь в едва уловимую вибрацию бетона. В ушах все еще стоит звон, а левое колено пульсирует в ритме перегруженного процессора. Я не позволяю себе закрыть глаза. В гимнастике есть правило: если ты упала, ты должна встать до того, как судьи успеют поставить минус за артистизм. Даже если связка лопнула, как перетянутая струна. Я опираюсь на здоровую правую ногу, переношу центр тяжести на внешнее ребро стопы и медленно выпрямляюсь. Сустав щелкает - сухой, неприятный звук, похожий на хруст ломающегося карандаша. Грязно, Алина. Слишком много лишних движений. Соберись.

Через сорок минут я уже стою у двери гримерки номер восемь в Останкино. Обезболивающее еще не подействовало в полную силу, но я заблокировала очаг дискомфорта, вытеснив его в слепую зону сознания. Сейчас мир сузился до узкого коридора, пропахшего пылью, дешевым лаком для волос и предвкушением скандала. Внутри гримерки нарастает звуковая волна - голос Матвея, вибрирующий на грани ультразвука.

- Я просил воду комнатной температуры! Комнатной, ты понимаешь значение этого слова? Пятнадцать градусов - это не комната, это морг! - Рывкает он так, что дверь едва заметно дрожит в петлях.

Я захожу внутрь без стука. Мое тело работает в режиме энергосбережения: плечи опущены, лопатки сведены к позвоночнику, подбородок параллелен полу. Идеальная вертикаль. В центре комнаты мечется Матвей. Его движения лишены привычной ленивой грации. Он похож на неисправный гироскоп, который потерял точку опоры и теперь бьется о стенки собственного пространства. Ассистентка - бледная девушка с дрожащими пальцами - прижимает к груди бутылку воды, как гранату с выдернутой чекой.

- Уйди, - говорю я ей, не глядя.

Она проскальзывает мимо меня, обдавая запахом пота и страха. Матвей замирает. Он тяжело дышит, его грудная клетка расширяется неравномерно - правое легкое будто запаздывает. Избыточное напряжение в трапециевидной мышце, кулаки сжаты так, что костяшки побелели. Он смотрит на меня, и в его глазах нет привычной издевки, только мутный, нерафинированный гнев, направленный в никуда.

- О, явилась, - цедит он. - Наша железная леди. Тебе тоже принести холодную воду? Чтобы ты могла заморозить остатки своих чувств?

- Тебе нужно выйти в эфир через двенадцать минут, - мой голос звучит ровно, как метроном. - Пульс около ста десяти. Гормональный фон перегружен кортизолом. Ты не сможешь держать лицо перед камерами, если не снизишь мышечный тонус.

- Пошла ты со своим тонусом, Алина. Ты знаешь, что меня бесит больше всего? Твоя эта манера разговаривать со мной как с неисправным пылесосом. Я - человек. У меня может быть плохое настроение. У меня может быть чертов срыв!

Он делает резкий выпад в сторону столика с косметикой. Его рука описывает широкую дугу. Я вижу вектор движения за доли секунды до того, как он достигает цели. Он хочет что-то сбросить, разрушить, нарушить стерильность этого пространства. Его кулак врезается в большое зеркало, обрамленное яркими лампочками.

Звук удара получается плотным, сочным. Стекло не просто трескается - оно взрывается, разлетаясь на сотни острых фрагментов. Я даже не моргаю, хотя один осколок пролетает в сантиметре от моей щеки. Матвей замирает, его рука остается прижатой к разбитой поверхности. Секунда тишины. Потом по зеркалу начинает ползти тонкая красная змейка. Кровь выглядит неестественно яркой в свете гримерных ламп.

- Эстетично, - комментирую я, делая шаг к нему. - Но крайне непрактично. Ты повредил кожные покровы и, судя по углу удара, мог задеть надкостницу.

Он медленно оборачивается. Его лицо бледнеет, становясь почти серым. Он смотрит на свою руку так, будто она ему больше не принадлежит. Типичная реакция на внезапную физическую боль после эмоционального пика - сенсорная перегрузка.

- Черт, - шепчет он. Весь его пафос испаряется, оставляя после себя только испуганного мальчишку, который заигрался в бога. - Оно... оно сильно течет?

- Сядь.

Это не просьба. Это команда, которую я обычно давала себе перед выполнением сложного соскока. Матвей послушно опускается в кресло. Его тело обмякло, исчезла та пружинистая агрессия, которая делала его опасным. Теперь он просто груда неправильно уложенных костей и мышц.

Я достаю аптечку из сумки. Мои пальцы работают автономно, с хирургической точностью. Вата, антисептик, стерильные салфетки. Я не чувствую к нему жалости. Жалость - это лишний вес, она замедляет реакцию. Я вижу только поврежденный механизм, который нужно привести в рабочее состояние до начала трансляции.

- Дай руку, - я протягиваю ладонь.

Он колеблется, его пальцы подрагивают. Я перехватываю его запястье. Кожа у него тонкая, горячая, под ней отчетливо видна пульсация лучевой артерии. Слишком быстро. Ритм рваный. Я фиксирую его кисть, заставляя развернуться к свету. В ладони застряло несколько мелких осколков, самый крупный вошел в основание большого пальца под углом сорок пять градусов.

- Будет щипать, - предупреждаю я, обильно смачивая салфетку антисептиком.

- Ты всегда такая? - Он пытается вернуть себе привычный циничный тон, но голос подводит, срываясь на хрип. - Никаких "ой, боже мой", никаких охов? Тебе вообще не бывает неприятно смотреть на кровь?

- Кровь - это просто жидкость с высоким содержанием железа и лейкоцитов, - я аккуратно извлекаю первый осколок пинцетом. - В гимнастическом зале кровь на снарядах - это норма. Если ты сорвал мозоль на брусках, ты просто вытираешь ее о трико и продолжаешь программу. Иначе ты не в команде.

Я чувствую, как его мышцы напрягаются под моими пальцами, когда спирт касается открытой раны. Он не отдергивает руку - я держу крепко, блокируя локтевой сустав. Это профессиональный захват, исключаящий любое несанкционированное движение.

- Ты монстр, Алина, - шепчет он, глядя, как я методично очищаю его кожу. - Красивый, функциональный монстр. Тебя вообще учили, что людей нужно иногда... жалеть? Ну, там, погладить по голове, сказать, что все будет хорошо?

- Ложь не входит в мой контракт, - я вытаскиваю самый крупный осколок. Матвей резко втягивает воздух сквозь зубы. Его свободная рука вцепляется в подлокотник кресла так, что кожа на костяшках натягивается до прозрачности. - "Все будет хорошо" - это фраза для тех, кто не готов нести ответственность за свои действия. Ты ударил зеркало. Законы физики сработали безупречно. Стекло оказалось тверже твоей кожи. Это логический финал.

- Ты просто невыносима, - он закрывает глаза, откидывая голову на спинку кресла. - Знаешь, я ведь специально это сделал. Хотел посмотреть, как ты дернешься. Как в тебе проснется хоть что-то живое. А ты... ты просто обрабатываешь рану, как будто я - кусок мяса на разделочной доске.

- Если ты хотел моей реакции, тебе стоило выбрать более эффективный способ. Самоповреждение - это признак слабости контроля. Ты не можешь управлять ситуацией вокруг, поэтому пытаешься управлять болью внутри себя. Это примитивный механизм защиты. Грязно.

Я накладываю тугую повязку. Каждый оборот бинта - это выверенное натяжение. Не слишком сильно, чтобы не нарушить кровообращение, но достаточно плотно, чтобы остановить экссудацию. Мои пальцы касаются его ладони, и на секунду я замечаю странный контраст: его рука - длинная, артистичная, с тонкими пальцами, созданными для гитарных струн, и моя - жесткая, с мозолями от тренировок и сухой кожей. Мы как две разные биологические модели, случайно оказавшиеся в одной лаборатории.

- А ты, значит, всегда контролируешь ситуацию? - Он открывает глаза. Теперь в них светится опасное любопытство. - И ту драку на парковке? Твое колено... я видел, как ты хромала, когда входила.

Я замираю на долю секунды. Мышечная память тут же отзывается фантомной вспышкой боли в коленном суставе. Психологическая атака. Он пытается нащупать мою уязвимую зону.

- Мое состояние не влияет на выполнение задачи, - отрезаю я, закрепляя край бинта пластырем. - Повреждение кожных покровов незначительное. Ты можешь выходить. Гример сейчас замаскирует покраснение на лице, и никто ничего не заметит.

- Ты не ответила. Тебе больно прямо сейчас?

- Боль - это всего лишь информационный сигнал, поступающий в мозг. Я научилась игнорировать лишний шум.

Матвей внезапно подается вперед. Дистанция между нами сокращается до критической. Я чувствую запах его парфюма - что-то тяжелое, с нотами кожи и холодного пепла - и слабый запах алкоголя. Он не пьян, но, видимо, приложился к фляжке перед входом. Его зрачки расширены, радужка кажется почти черной.

- Знаешь, Алина, ты ведь врешь сама себе, - его голос становится вкрадчивым, мягким, как бархат, за которым скрываются шипы. - Твоя дисциплина - это не сила. Это твоя тюрьма. Ты так боишься быть живой, что превратила себя в манекен. Но манекены не чувствуют боли. А ты - чувствуешь. Я видел это в твоих глазах там, на полу. Секундная вспышка. Ты была... настоящей.

Я смотрю на него, не отводя взгляда. Моя вегетативная система работает стабильно: дыхание ровное, ладони сухие. Но где-то в глубине, за всеми выстроенными барьерами, шевелится глухое раздражение. Он пытается вскрыть меня, как консервную банку, используя свою дешевую рок-звездную харизму.

- Психологическая нестабильность объекта достигла критической отметки, - говорю я, обращаясь скорее к себе, чем к нему. - Рекомендую прекратить вербальную провокацию и сосредоточиться на сценарии шоу. У тебя осталось семь минут.

Я встаю и начинаю собирать аптечку. Движения четкие, доведенные до автоматизма. Убрать вату, закрыть антисептик, свернуть бинт. Каждое действие - это точка в разговоре.

- Ты ведь тоже сломана, да? - Он не понимает. Он встает следом, и теперь он выше меня, он пытается доминировать в пространстве гримерки. - Та травма, о которой все шепчутся. Великая гимнастка, которая рухнула с олимпа прямо в грязь. Поэтому ты теперь прячешься за моей спиной? Тебе проще защищать чужую жизнь, потому что свою ты уже проиграла?

Я резко оборачиваюсь. Моя рука сама собой сжимается в кулак, большой палец прижат снаружи - правильный хват для удара. Я оцениваю расстояние до его подбородка. Прямой удар снизу вверх выведет его из строя на десять минут. Но это будет нарушением контракта. Это будет потерей контроля.

- Мое прошлое не является предметом обсуждения, Матвей. Моя задача - обеспечить твою безопасность. Даже если ты сам пытаешься ее разрушить. Если ты еще раз позволишь себе подобные комментарии, я пересмотрю протокол нашего взаимодействия.

- И что ты сделаешь? Уволишься? - Он усмехается, но в его усмешке нет радости. - Ты не сможешь. Тебе нужны эти деньги. И тебе нужна эта клетка. Без нее ты просто тень.

В дверь стучат.

- Матвей Александрович, пять минут! Пройдемте на грим!

Он смотрит на меня еще несколько секунд. В этом взгляде есть что-то новое - не издевка, не гнев, а странное, пугающее узнавание. Как будто он увидел в моем отражении что-то, что привык прятать в себе. Потом он резко отворачивается и выходит из комнаты, едва не сбив с ног администратора. Повязка на его руке белеет на фоне черного пиджака как флаг капитуляции.

Я остаюсь в гримерке одна. Тишина давит на барабанные перепонки. Я подхожу к разбитому зеркалу и смотрю на свое отражение, раздробленное на десятки осколков. В каждом из них - только часть меня. Глаз. Плечо. Линия челюсти. Никакой целостности.

Он прав в одном: я действительно сломана. Но сломанный механизм иногда работает точнее нового, потому что он знает цену каждого лишнего движения. Я провожу пальцами по поверхности стола, собирая мелкую стеклянную пыль. Мое колено снова напоминает о себе резкой болью. Я фиксирую ее, анализирую и убираю в архив.

Нужно идти в студию. Там будет много людей, много векторов движения, много потенциальных угроз. Мне нужно быть в фокусе.

Студия встречает меня агрессивным светом софитов. Здесь все пропитано фальшью. Пластиковые декорации, имитирующие уютную гостиную, искусственные улыбки ведущих, массовка, которой платят за аплодисменты по сигналу. Я занимаю позицию в тени, за одной из камер. Отсюда мне виден весь зал и все входы. Мой взгляд сканирует периметр: выход А, выход Б, технический люк.

Матвей уже в кресле. Он сидит, развалившись, одна нога закинута на другую. Его забинтованная рука лежит на колене, он даже не пытается ее спрятать. Напротив него - ведущая, женщина с идеально уложенными волосами и хищным блеском в глазах. Она знает, как разделять таких, как он, ради рейтингов.

- Матвей, мы все видели новости, - начинает она, и ее голос льется как патока. - Скандалы, драки, разбитые гитары. Это ваш способ самовыражения или крик о помощи?

Матвей растягивает губы в улыбке. Это его маска - ленивая, циничная, безупречная.

- Крик о помощи? - Он смеется, и этот смех звучит абсолютно искренне. - Послушайте, если бы мне нужна была помощь, я бы позвал священника или дилера. А это... это просто рок-н-ролл. Люди хотят шоу, я даю им шоу. Разве не для этого мы здесь собрались?

Я слежу за его руками. Он жестикулирует левой, здоровой рукой, а правую держит неподвижно. Мышечный зажим в плече говорит о том, что боль никуда не делась. Он просто научился ее использовать как топливо для своей игры. В этом мы с ним похожи больше, чем мне хотелось бы признавать.

- Но ваша новая охрана... - ведущая бросает взгляд в сторону тени, где стою я. - Говорят, вы наняли профессионала с очень... специфическим прошлым. Вы чего-то боитесь?

- Боюсь? - Матвей делает паузу, которую он умеет держать мастерски. Он выжидает, пока тишина в студии не станет осязаемой. - Я боюсь только скуки. А Алина... она не просто охрана. Она - мой персональный цербер. Красивая, опасная и абсолютно безжалостная. С ней я чувствую себя в полной безопасности. Даже от самого себя.

Он смотрит прямо в камеру, но я знаю, что этот взгляд адресован мне. Это провокация. Он выносит наше взаимодействие в публичное поле, нарушая все правила конфиденциальности. Мой внутренний критик орет голосом тренера: "Грязно! Не реагируй! Держи спину!"

Я чувствую, как по залу пробегает шепоток. Камеры начинают разворачиваться в мою сторону, пытаюсь выхватить из темноты фигуру "персонального цербера". Я отступаю глубже в тень, за звукорежиссерский пульт. Мое сердцебиение учащается на пять ударов в минуту. Это недопустимо.

Шоу продолжается. Они обсуждают его новый альбом, его отношения с бывшими моделями, его "трудное детство". Матвей врет вдохновенно, мешая правду с грязью так искусно,

что даже я начинаю сомневаться, где заканчивается человек и начинается бренд. Он играет на аудитории, как на струнах, то вызывая смех, то заставляя сочувственно вздыхать.

А потом происходит то, чего я ждала и одновременно опасалась.

В середине второго блока, когда ведущая переходит к вопросам из зала, один из зрителей - молодой человек в худи с капюшоном, низко надвинутым на глаза - встает и делает резкое движение рукой к внутреннему карману.

Мое тело реагирует раньше, чем мозг успевает сформулировать мысль. Это не сознательное решение, это биомеханический алгоритм, вшитый в подкорку годами тренировок. Прыжок, перенос веса, взрывная сила в бедрах. Я игнорирую протестующий вопль колена.

Я преодолеваю расстояние до парня в три гигантских шага. Массовка еще не поняла, что происходит. Ведущая застыла с открытым ртом. Матвей даже не успел повернуть голову.

Я перехватываю руку парня, когда он уже вытаскивает какой-то предмет. Залом кисти, удар под колено, перевод в партер. Все занимает меньше двух секунд. Чисто. Амплитуда идеальная.

Предмет вылетает из его пальцев и с грохотом падает на пол. Это не пистолет. Это обычный маркер и пачка фотографий.

- Эй! Вы что творите! Я просто автограф хотел! - Орет парень, прижатый лицом к ковровину.

Тишина в студии становится вакуумной. Сотни пар глаз устремлены на нас. Камеры жадно фиксируют каждый мой жест. Я стою над парнем, удерживая его руку в болевом замке, и чувствую, как адреналин сгорает в крови, оставляя после себя горький привкус.

- Объект нейтрализован, - говорю я в микрофон на воротнике, хотя охрана студии уже бежит к нам.

Матвей медленно встает со своего кресла. Он смотрит на меня, и на его лице нет страха. Там только дикое, неприкрытое восхищение, смешанное с торжеством. Он получил то, что хотел. Он заставил меня проявиться.

- Ну, я же говорил, - его голос разносится по всей студии через петличку. - Она абсолютно безжалостна.

Охрана забирает парня. Ведущая начинает что-то лепетать про "беспрецедентные меры безопасности". Массовка взрывается аплодисментами - они думают, что это часть шоу. Постановка. Сценарий.

Я выпрямляюсь. Колено горит так, будто в него залили расплавленный свинец. Я чувствую, как по ноге ползет что-то теплое - видимо, шов на брюках не выдержал и лопнул, а вместе с ним и кожа на старом шраме.

Матвей подходит ко мне. Он игнорирует операторов, игнорирует ведущую. Он останавливается в шаге от меня и смотрит вниз, на мою ногу.

- Ты в порядке? - Шепчет он так тихо, что слышу только я.

- Дистанция, Матвей, - отвечаю я, сжимая зубы. - Вернись на место. Эфир еще не закончен.

- К черту эфир. Ты истекаешь кровью.

Он протягивает руку, ту самую, забинтованную, и на мгновение касается моего плеча. Это касание - как короткое замыкание. Мышечная память орет об опасности, о нарушении границ, о необходимости ударить. Но я не двигаюсь. Я смотрю в его глаза и вижу в них то, чего не было в гримерке. Там нет цинизма. Там нет маски.

Там только страх. За меня? Или за то, что его единственная опора оказалась такой же хрупкой, как и он сам?

- Сядь на место, - повторяю я, и мой голос на этот раз дает осечку, становясь чуть тише, чем нужно.

Он медленно отступает. Шоу продолжается, но атмосфера в студии изменилась. Теперь это не просто интервью рок-звезды. Это хроника крушения, которое происходит в прямом эфире, хотя никто, кроме нас двоих, этого не понимает.

Оставшееся время я провожу в режиме автопилота. Я не слышу вопросов и ответов. Я считаю секунды до конца блока. Каждая минута - это испытание для моей опорно-двигательной системы. Я чувствую, как тело начинает дрожать - мелкий, едва заметный тремор, предвестник шока.

Когда наконец звучит команда "Снято!", и свет софитов гаснет, я не жду Матвея. Я разворачиваюсь и иду к выходу. Каждый шаг - это победа воли над материей. Я не хромаю. Я не должна хромать.

В коридоре меня догоняет ассистентка.

- Алина, там Матвей Александрович просил...

- Пусть идет к машине, - бросаю я через плечо. - Я буду ждать у входа.

Я захожу в женский туалет и запираю дверь. Только здесь я позволяю себе опереться на раковину и взглянуть на ногу. Черная ткань брюк пропиталась кровью. Грязно. Непрофессионально. Я достаю из сумки остатки бинта и антисептик.

Руки дрожат. Это бесит меня больше всего. Я - инструмент. Инструмент не должен дрожать. Я смотрю в зеркало над раковиной. Бледная кожа, темные круги под глазами, плотно сжатые губы. Я выгляжу как человек, который только что пережил автокатастрофу, но отказывается это признать.

- Соберись, - шепчу я своему отражению. - Ты просто выполняешь работу. Ты - щит. Щиту не бывает больно.

Я смываю кровь холодным мылом. Вода окрашивается в розовый, закручиваясь воронкой в сливе. Это просто жидкость с высоким содержанием железа. Просто физиология.

Когда я выхожу из туалета, Матвей стоит в коридоре. Он привалился спиной к стене, скрестив руки на груди. Он ждал меня.

- Ты долго, - говорит он. В его голосе нет прежней лени. Он звучит натянуто, как тетива.

- Были технические неполадки. Машина подана. Нам нужно ехать на следующую локацию.

- Никаких локаций. Мы едем домой.

- У тебя в графике ужин с продюсерами и...

- Я сказал - домой, Алина. Ты едва стоишь на ногах. Не надо строить из себя терминатора. Это выглядит жалко.

- Мое состояние не...

- Замолчи, - он делает шаг ко мне, и на этот раз я не успеваю отстраниться. Он перехватывает мою руку выше локтя. Его хватка неожиданно сильная, уверенная. - Пошли. Это не обсуждение. Это приказ клиента. Разве ты не должна слушаться?

Я смотрю на его забинтованную руку, сжимающую мой локоть. Две травмы, встретившиеся в одном коридоре. Хаос, пытающийся структурировать боль.

- Хорошо, - говорю я. - Домой.

Мы идем к выходу. Он не отпускает мою руку, и я ловлю себя на мысли, что его поддержка действительно облегчает нагрузку на колено. Это нарушение всех протоколов. Это опасно. Это близость, которой я боялась больше, чем любого нападения.

На улице идет дождь - мелкий, колючий, октябрьский. Воздух пахнет мокрым асфальтом и выхлопными газами. Мы садимся в машину, и в закрытом пространстве салона запах его парфюма становится почти удушающим.

Матвей молчит всю дорогу. Он смотрит в окно, где мелькают огни ночного города. Его профиль кажется высеченным из камня - резкие углы, прямая линия носа, плотно сжатые губы. Он больше не играет.

Когда мы подъезжаем к его дому, он первым выходит из машины и открывает мне дверь. Это жест, который не вписывается в его образ эгоцентричного подонка.

- Я сама, - говорю я, пытаюсь встать.

- Просто прими помощь, Алина. Мир не рухнет, если ты один раз на кого-то обопрешься.

Он протягивает мне руку. Я смотрю на его ладонь - ту самую, которую я бинтовала час назад. На белом бинте проступило маленькое красное пятно. Он сорвал рану, когда тащил меня по коридору.

Я вкладываю свою ладонь в его.

Мы поднимаемся в лифте в полном молчании. Зеркальные стены отражают нас - двух сломанных людей, которые пытаются казаться целыми. Я вижу, как он смотрит на наше отражение. В его глазах нет издевки. Только странная, тихая печаль.

В квартире он ведет меня не в гостиную, а в свою спальню.

- Сядь здесь, - он указывает на кровать.

- Матвей, это неуместно. Я должна проверить периметр и...

- Сядь. Пожалуйста.

Слово "пожалуйста" звучит в его устах как иностранное. Неловко, непривычно. Я подчиняюсь. Матрас мягкий, он прогибается под моим весом, заставляя мышцы спины наконец расслабиться.

Матвей уходит и возвращается через минуту с тазом теплой воды и новой аптечкой. Той самой, дорогой, которую ему подарили фанаты.

- Теперь моя очередь, - говорит он, опускаясь на колени передо мной.

- Ты не умеешь, - я пытаюсь забрать у него антисептик.

- Я умею смотреть, как это делаешь ты. У меня хорошая визуальная память.

Он берет мою ногу и начинает аккуратно закатывать шта

ГЛАВА 6. ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Штанина джинсов, которую он закатывал в своей спальне всего три часа назад, до сих пор кажется мне тяжелее другой. Левая нога помнит его пальцы. Это было технически неверное действие. Его движениям не хватало точности, он избыточно давил на края раны, нарушая капиллярный кровоток, но я не отстранилась. Мой внутренний тренер орал: Грязно. Нарушение дистанции. Контролируй периметр. Но я сидела на краю его огромной кровати, смотрела на макушку Матвея и высчитывала угол наклона его головы. Он выглядел как человек, который пытается починить сложный прибор, не имея инструкции, и боится, что тот взорвется у него в руках.

Сейчас мы на высоте одиннадцати тысяч метров. Салон частного джета пахнет дорогим антисептиком, кожей и тем специфическим стерильным воздухом, который бывает только в бизнес-авиации. Я сижу в кресле через проход от него. Моя спина образует идеальную вертикаль с углом наклона спинки. Мышцы кора в легком тонусе. Это привычка, которую не вытравить никакими травмами: даже если мир рухнет, твой центр тяжести должен оставаться неподвижным.

Матвей не смотрит на меня. Он вообще ни на что не смотрит. Его взгляд зафиксирован в одной точке на переборке между кабиной пилотов и салоном. В правой руке он сжимает стакан с виски, но лед внутри даже не звякает. Его предплечье напряжено. Я вижу, как вздулась вена на сгибе локтя. Статическое напряжение такой интенсивности обычно предшествует либо взрывному рывку, либо судороге.

- Тебе стоит расслабить трапецию, Матвей, - говорю я, не меняя интонации. - Ты блокируешь кровоснабжение головного мозга. Через десять минут у тебя начнется мигрень.

Он медленно поворачивает голову. Его речевая маска циника слегка сползла, обнажая что-то острое и злое.

- О, проснулся наш домашний мануальщик, - его голос звучит тише обычного, с той самой ленивой растяжкой, за которую фанатки готовы отдавать почку. - Алина, детка, ты не могла бы просто посидеть красиво? Твой функционал сейчас - быть декоративным элементом системы безопасности. Не надо анализировать мой кровоток. Он в полном порядке.

- Твой пульс в районе девяноста, хотя ты просто сидишь, - я игнорирую его шпильку. - Ты вцепился в подлокотник так, будто пытаешься выдавить из него масло. Угол сгиба фаланг пальцев критический. У тебя фобия?

- У меня аллергия на тупые вопросы, - он делает глоток, и я замечаю, как едва заметно дрожит его кадык.

Самолет слегка подрагивает. Это даже не турбулентность, просто работа двигателей и сопротивление воздушных масс. Но для Матвея это, кажется, сигнал к началу конца. Он замирает. Весь его скелет превращается в жесткую, негибкую конструкцию. С точки зрения биомеханики он сейчас - хрупкая статуя. Любой резкий толчок просто сломает его, потому что он не амортизирует.

- Мы входим в зону облачности, - произносит голос пилота из динамиков. - Просим пристегнуть ремни и оставаться на своих местах.

Джет резко проваливается вниз. Это длится не более секунды, обычная воздушная яма, потеря высоты метров на двадцать. Мое тело реагирует мгновенно: я группируюсь, позвоночник пружинит, гася инерцию. Мой мозг автоматически отмечает: вектор силы направлен вертикально вниз, ускорение свободного падения компенсировано напряжением бедер.

Матвей издает странный звук. Это не крик, скорее резкий, рваный выдох, какой бывает при ударе под дых. Его стакан вылетает из пальцев, ударяется о ковер, и янтарная жидкость расплывается пятном, похожим на карту какого-то забытого острова. Костяшки его пальцев

становятся белыми, почти прозрачными. Он вцепился в подлокотники так, что кожа на руках натянулась до предела.

- Дыши, - говорю я.

Я отстегиваю ремень. Мой внутренний критик делает пометку: Нарушение протокола безопасности. Я затыкаю его. Моя задача - безопасность охраняемого объекта. А сейчас главная угроза для объекта - его собственная вегетативная нервная система.

Следующий удар подбрасывает самолет вбок. Нас начинает трясти. Это уже серьезная турбулентность, та самая "стиральная доска", от которой у неподготовленных людей начинается паника. Я делаю два шага, удерживая равновесие за счет микроскопических движений голеностопа. Моя травмированная нога отзывается тупой, сверлящей болью в районе колена, но я блокирую этот сигнал. Боль - это просто информация. Сейчас она не важна.

Я опускаюсь на корточки прямо перед его креслом. Центр тяжести занижен, я максимально устойчива.

- Матвей, посмотри на меня.

Он не слышит. Его глаза расширены, зрачки затопили радужку. Он смотрит сквозь меня, туда, где, по его мнению, находится бездна. Его дыхание стало поверхностным и частым. Гипервентиляция. Еще минута, и он потеряет сознание или поймает паническую атаку такой силы, что купировать ее придется только медикаментозно.

- Посмотри на меня, - я повторяю жестче, используя командный голос тренера. Тот самый тон, который заставлял меня подниматься с помоста, когда связки горели огнем.

Он фокусируется на моем лице. В его глазах столько первобытного, нефильТРованного ужаса, что его маска рок-звезды окончательно рассыпается в пыль. Больше нет никакого холодного циника, презирающего мир. Есть только перепуганный механизм, который боится сломаться окончательно.

Я кладу свою ладонь на его запястье. Его кожа ледяная и влажная от пота. Пульс зашкаливает. Я прижимаю пальцы к лучевой артерии. Сто двадцать. Сто тридцать.

- Ты не умрешь, - говорю я, глядя ему прямо в глаза. - Это просто физика. Самолет - это конструкция с огромным запасом прочности. Крылья рассчитаны на изгиб до пяти метров. Мы просто скользим по неровной поверхности воздуха. Это как ехать на машине по гравию.

- Я ненавижу... это... - выдавливает он. Каждое слово дается ему с трудом, будто он выталкивает камни из горла. - Я не... контролирую...

- Тебе и не нужно контролировать самолет. Контролируй только один процесс. Свой вдох.

Я накрываю его вторую руку своей. Его пальцы судорожно сжимаются, он впивается ногтями в мою кожу, но я даже не вздрагиваю. Для меня это просто внешнее давление, еще один вектор силы.

- Слушай мой счет. Вдох на четыре счета. Раз, два, три, четыре... Задержка. Раз, два... Выдох на шесть. Раз, два, три, четыре, пять, шесть.

Джет снова бросает вверх. Слышно, как в хвостовой части что-то падает и разбивается. Матвей дергается, пытаясь вжаться в спинку кресла.

- Смотри на меня! - я не даю ему уйти в свой кошмар. - Не на окно, не на стакан. На меня. Твой пульс - это единственное, что сейчас имеет значение. Давай еще раз. Вдох.

Я начинаю дышать утрированно глубоко, заставляя его подстраиваться под мой ритм. Это древний биологический механизм - синхронизация с лидером стаи. Сейчас я - его точка опоры. Я - его центр масс.

- Раз, два, три, четыре...

Постепенно его хватка на моих руках становится менее судорожной. Мышцы его предплечий начинают медленно расслабляться, выходя из режима максимального сокращения. Я чувствую, как его пульс под моими пальцами замедляется. Сто десять. Сто пять.

- Молодец. Держи ритм. Ты не декоративный элемент, Матвей. Ты сейчас - двигатель, который работает на холостых оборотах. Снижай давление.

Он закрывает глаза, и на его лбу прорезается глубокая складка. Он выглядит изможденным. Весь этот блеск, все эти миллионы прослушиваний, стадионы, визжащие девушки - все это сейчас не стоит ни цента. Здесь, в турбулентном потоке, он просто биологический вид, осознавший свою конечность. И это осознание дезавуирует его цинизм лучше любых моих доводов.

- Почему ты не боишься? - шепчет он, не открывая глаз. Его голос звучит тускло, без привычных обертонов.

- Бояться нефункционально, - отвечаю я, продолжая контролировать его пульс. - Страх провоцирует выброс кортизола и адреналина, что ведет к тремору и снижению скорости реакции. В моей работе это недопустимо. И в спорте тоже.

- Ах да... спорт... - он криво усмехается, но глаза не открывает. - Ты же у нас железная леди. Из чего ты сделана, Алина? Из титановых пластин и инструкций по эксплуатации?

- Из ошибок, Матвей. Из очень большого количества ошибок, которые я больше не хочу повторять.

Самолет внезапно затихает. Тряска прекращается так же резко, как и началась. Мы вышли в спокойный слой воздуха. Но я не убираю руки. Я чувствую, как его тело начинает "отходить" - мелкая дрожь пробегает по его плечам, это естественная реакция на спад адреналинового пика.

- Все, - говорю я тихо. - Мы в стабильной зоне. Можешь отпустить подлокотники.

Он медленно разжимает пальцы. На пластике остались влажные следы. Матвей откидывает голову на подголовник и смотрит в потолок. Его лицо кажется серым в искусственном свете ламп.

- У тебя на запястьях останутся синяки, - говорит он, глядя на мои руки.

Я смотрю на свои предплечья. Там действительно расцветают красные пятна от его пальцев.

- Это ерунда. Капиллярное кровоизлияние. Пройдет через три дня.

- Ты всегда такая? - он поворачивает голову, и в его взгляде появляется что-то новое. Не издевка, не скука. Любопытство исследователя, нашедшего странный артефакт. - Всегда переводишь чувства на язык физиологии?

- Это помогает сохранять дистанцию с реальностью. Если я скажу "мне больно", это субъективно. Если я скажу "у меня микронадрыв камбаловидной мышцы", это задача, которую нужно решить.

- Удобно, - он вздыхает и тянется к кнопке вызова стюарда. - Принесите еще виски. И уберите здесь.

- Тебе не стоит пить, - замечаю я. - Твой организм и так обезвожен после стресса.

- Алина, - он снова надевает свою привычную маску, хотя она сидит на нем теперь немного криво. - Мой организм состоит из виски и ненависти к самому себе примерно на семьдесят процентов. Не нарушай мой химический баланс.

Он снова превращается в того Матвея, которого я видела на обложках. Дерзкий, недосягаемый, неприятный. Но я-то знаю. Мои пальцы до сих пор помнят ритм его испуганного сердца. Я видела его без брони, и это знание теперь лежит между нами тяжелым, невидимым грузом.

В этот момент в салоне гаснет свет. Не полностью - остаются только тусклые огни аварийного освещения вдоль пола. Технический сбой или просто экономия ресурса на ночном перелете. В полумраке его лицо становится набором теней и острых углов.

- Знаешь, почему я так вцепился в кресло? - его голос доносится из темноты, лишенный своей обычной театральности.

- Потому что потеря контроля для тебя эквивалентна смерти, - отвечаю я, возвращаясь в свое кресло.

- Нет. То есть да, но дело не в этом. Я просто представил, что это последний звук, который я услышу. Гул этого чертова двигателя.

Он замолкает. Я слышу только шорох воздуха в вентиляции.

- И что в этом плохого? Все умирают под какой-то звук.

- Я ненавижу музыку, Алина.

Эти слова падают в тишину салона как бетонные плиты. Я замираю, перестав поправлять ремень безопасности. Самый популярный артист страны, человек, чьи треки звучат из каждого утюга, чьи мелодии разбирают на цитаты, признается в этом в пустом самолете на высоте десяти тысяч метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.